

Прения по докладу Н. А. Ковалевского

А. И. ПЕТРОВ. Я думаю, что самая большая опасность, которая может грозить подобной работе, это опасность придания самодовлеющего движения ряду категорий, опасность недостаточной увязки этих категорий. Тов. Ковалевский правильно указывает, что динамика расширенного воспроизводства должна быть пронизана железным единством экономических закономерностей. Таким образом, очевидно, следовало бы начать с анализа этих самых закономерностей, связывая отдельные элементы. Тов. Ковалевский во введении как раз указывает, что он исходит из схем Маркса, но в дальнейшем он тех закономерностей, какие вытекают из этих схем, в сущности не применяет. Он берет одно общее соотношение — это соотношение между потребляемой и накапливаемой частями народного дохода. Это соотношение существует на ряду с другими закономерностями. Но оно является обобщающим, выводным и может получаться не заранее, а после того, когда установлены более частные закономерности, как результат этих более частных взаимоотношений.

Позвольте привести такой пример. Тов. Ковалевский правильно указывал в одной части своего доклада, что та или иная проектировка производства средств производства может повлечь потом за собой неизбежность известного направления развития. Припомним, что делал Туган-Барановский, который, оперируя универсальной счетной единицей, игнорировал те последствия, какие происходят от быстрого темпа роста средств производства. Таким образом, безнаказанно обращаться со счетной единицей и все приводить к одному знаменателю нельзя. У тов. Крицмана есть работа по изучению воспроизводства, в которой он пытается несколько детализировать схемы Маркса, вводя туда не два подразделения, а несколько больше. При этом он получил ряд дополнительных, очень существенных соотношений процесса воспроизводства. Мне представляется, что действительный анализ процесса воспроизводства не может ограничиться только такими общими соотношениями, которые для Маркса были достаточны, поскольку он интересовался выводением некоторых общих законов движения. Следовало бы установить, какая же существует взаимосвязь между различными, более простыми элементами производственного процесса.

Между прочим, здесь есть один теоретический вопрос, который тов. Ковалевский обходит. Когда он говорит о содержании понятий, то указывает, что мы подразумеваем здесь трудовое содержание категорий *c*, *v*, *m*, что вообще правильно. Но нужно напомнить тов. Ковалевскому, что он оперирует всеми расчетами в неизменных ценах, т. е. он дает не стоимость, а физический объем, что представляет собой нечто иное. Следовало бы договориться по этому принципиальному вопросу и тогда уже более ясно можно было бы поставить проблему. Очевидно, тов. Ковалевский планирует потребительные стоимости, физический объем. Если это так, тогда некоторые соотношения, имеющие смысл для стоимостных категорий, отпадают, представляются явно не имеющими внутреннего смысла. Таково, например, отношение чистой продукции по физическому объему к накапливаемым фондам также по физическому объему. Я думаю, что для экономиста это отношение представляется в высшей степени искусственным, и что оно может дать — также неясно. Но, очевидно, что недостаточно установление различных закономерностей в статике: их следовало бы взять и в динамике. Мне представляется, что движение этих закономерностей необходимо исследовать под двумя точками зрения. Основным здесь является, во-первых, движение производительности труда и, во-вторых, распределение чистой продукции на часть, потребляемую и накапливаемую. Тов. Ковалевский берет второй из этих показателей — распределение на часть потребляемую и накапливаемую, и производительность труда у него выступает, как фактор производный, а не как основной, первоначальный, что является совершенно неправильным. Очевидно, следовало бы исходить из того, что имеется такая-то производительность труда, отсюда получится то, что вы называете эффективностью и т. д. Между тем, наша производительность труда выступает, как производный фактор. Это является коренным дефектом. Соотношение нашего понятия эффективности во всех схемах представляется произвольным; оно не обосновано

в должной степени и вообще экономический смысл этого понятия эффективности в высшей степени неясен.

Как же поступить с проектировкой производительности труда. Здесь, как и во всех построениях, чрезвычайно опасно оперировать средними величинами. По моему мнению, следовало бы поступить так: надо запроектировать производительность труда на основании технических расчетов по различным конкретным отраслям народного хозяйства. Имея этот предполагаемый рост производительности, нужно затем условиться о распределении народного дохода на часть потребляемую и накапливаемую и, имея также установленные взаимоотношения различных элементов воспроизводства, уже получать затем те или иные варианты развития, в зависимости от темпа роста производительности труда и распределения на часть потребляемую и накапливаемую.

Еще другое необходимое условие успешности подобной работы — это наличие некоторой исходной базы, более солидной, чем та, которой располагал т. Ковалевский. Необходим также более тщательный экономический анализ различных конкретных категорий. Укажу на следующую ошибку тов. Ковалевского. Он оперирует понятием фондов, причем, как мне удалось выяснить, я сопоставил эту цифру с имеющимся исчислением в пятилетке, — оказывается, из этих 88 млрд. к фондам относятся 55 млрд., а остальное есть потребительное имущество — жилищный фонд. Я думаю, что потребительное имущество не следует относить к капиталу. Здесь нужно условиться о том, что мы относим к категории фондов. Кроме того, тов. Ковалевский не указывает, — берет ли он свои фонды с учетом износа или по восстановительной стоимости. Это с принципиальной стороны неважно, но если вы примете, допустим, с учетом износа, получится один вариант, а если вы дадите полную восстановительную стоимость (вообще говоря, правильнее брать полную восстановительную стоимость, потому что она характеризует производственную мощность), тогда будет еще какой-то вариант, и все расчеты существенно изменятся.

Я думаю, что тов. Ковалевский в общем стоит на правильном пути в том смысле, что он пытается избежать эмпирических расчетов, идущих в разных направлениях, не увязанных между собой, что он пытается уложить это в единую систему, в основу которой он берет теорию воспроизводства Маркса. Это, конечно, правильно, но недостатком этой работы является то, что она мало конкретизирована, что она не исследовала соотношения отдельных, более первоначальных элементов. Следовательно, здесь нужно продолжить диалектический анализ Маркса, потому что он, повторяю, ограничивается только соотношением самых общих элементов воспроизводства, что в этом случае недостаточно. Нужно начать с выявления основных факторов процесса производства: это производительности труда и соотношения между потребляемой и накапливаемой частями народного дохода. Весь анализ должен быть конкретным. Движение производительности труда должно быть задано по наиболее возможно конкретной номенклатуре, чтобы избежать опасности оперирования средними величинами, за которыми скрывается качественное различие.

Р. Е. ВАЙСБЕРГ. Я должен отметить, что т. Ковалевский имеет ту заслугу, что в отличие от прежних работ комиссии по генплану он пытался поставить работу по генплану на несколько иные рельсы, на принципиально новые рельсы. Конечно он отошел от тех грубых, совершенно невозможных ошибок, которые граничили с тем, что на период генерального плана проектировалось, например, 35 млн. индивидуальных крестьянских хозяйств (с мех) и всякие такие чудеса. Повторяю, он поставил работу на совершенно иные рельсы. Я это ставлю ему в заслугу, потому что до него в комиссии были такие проектировки, как, например, проектировка профессора Огановского, который исходил из того, что, так как у нас все растет, значит и количество индивидуальных крестьянских хозяйств должно расти — по генеральному плану. Он говорил, что к концу 1941/42 г. у нас будет 35 млн. крестьянских хозяйств и т. п. Можно поставить в заслугу тов. Ковалевскому, что он попытался по-иному построить свою работу. В этом отношении его работа в достаточной степени пионерская, но она имеет и много отрицательных сторон, о которых придется поговорить.

Основной недостаток этой работы заключается в том, что хотя тов. Ковалевский в конце своего доклада ставит вопрос о социальных отношениях, о человеке, но все-таки этот момент органически не проходит у него в докладе. Вместе с тем нельзя так механически отделять производительные силы от производственных отношений и полагать, что мы должны и можем только изучать производительные силы, а уже потом будем иметь в виде какой-то надстройки все остальное. Этот тезис имел место и в сегодняшнем докладе тов. Ковалевского. (Ковалевский: Дайте мне 3 часа, — тогда я расскажу вам о человеке). Здесь дело не в количестве часов: речь идет о том, что нужно органически связывать и то и другое и в тезисах и формулировках, во всем докладе. Кроме того вы имели несколько печатных листов, на которых можно изложить все это соответствующим образом, так что апелляция ко времени совершенно несостоятельна. Сие просто отсутствует — и не случайно.

Я говорю не о том, что это нужно расположить как-то рядышком, а об определенной диалектической внутренней связи, которая совершенно необ-

ходима и без которой никаких прикидок и проектировок по генеральному плану невозможно дать. Здесь, видимо, получается некоторая внутренняя связь между докладом тов. Ковалевского и статьей тов. Фельдмана, на которой настоящий доклад в значительной степени основывается, потому что как раз в этом пункте у них родственные пороки, мы имеем одно и то же у Фельдмана и у Ковалевского.

Например, тов. Ковалевский пишет на первой же странице своей рукописи не о периоде генерального плана, а о том, что мы имеем сейчас следующее: «Стихия рынка» еще кое-где плещет, но покорена... До сих пор у нас существуют еще мелкие индивидуальные хозяйства, «химически» выделяющие капитализм, существует еще рынок и легальный и нелегальный. Капитализм еще не покорен. Эта установка тов. Ковалевского ослабляет нашу бдительность в вопросах классовой борьбы.

Даже в колхозы крестьянство вступает со всеми своими мелкобуржуазными пережитками и вносит туда еще очень много элементов от крестьянской стихии. До тех пор, пока мы имеем дело с этой стихией и не изжили ее, до тех пор говорить, что стихия рынка изжита — извините, это есть ошибка, которая совершенно отмечает в сторону классовые вопросы, вопросы классовой борьбы. Он игнорирует те огромные трудности по линии социальных отношений, которые у нас при осуществлении генплана имеются, и также совершенно снимает с очереди те большие вопросы, которые нужно в генплане развернуть. (Ковалевский: Это нужно развернуть в пятилетке). Я говорю о той характеристике, которая дается сегодняшнему дню, и вряд ли эта реплика может помочь, потому что речь идет о стройной, выдержанной системе. Отдельными репликами этого не скрыть, потому что она выпирает в каждой строчке и в каждом слове его письменного доклада и из каждого слова устного выступления.

Я хочу в связи с этим сказать несколько слов о тех формулировках, которые имеются в статье тов. Фельдмана, напечатанной в 12 номере «Планового хозяйства», с которой, кстати сказать, я совершенно несогласен. Я говорю о статье Фельдмана потому, что она органически связана с докладом тов. Ковалевского. Тов. Фельдман пишет: «Мы исходим из положения, что советское хозяйство в основном, и, в первую очередь, в области распределения народного дохода, хозяйство субъективное, и что в определении путей его материального развития нам, в первую очередь и главным образом, приходится считаться не с законами, определяющими развитие того или иного «бесубъектного» хозяйства, но всеми законами природы и, в частности, производства, которое независимо от каждого общественного строя» (95).

Товарищи, мало-мальски понимающие марксистскую постановку вопроса, должны сказать, что это такая путаница и такая безграмотность, которую трудно найти. Это — богдановщина. Это — непонимание марксовых законов общественного развития. Это — такая невозможная постановка, которая абсолютно дезориентирует нас во всей работе. (Ковалевский: При чем тут Ковалевский). При том, что у Ковалевского и в докладе на странице 7-й, если ему неизвестно, написано следующее: «что заслуга разрешения этой проблемы принадлежит Фельдману».

Я не буду приводить других художеств из статьи т. Фельдмана и перейду к ряду других вопросов. Когда мы подходим к генплану, то у нас стоит вопрос, что генплан должен быть планом построения социализма. Это ни у кого не вызывает сейчас никакого сомнения. Это можно сейчас считать положением общепризнанным.

Поскольку это так, нужно было бы вопрос поставить следующим образом: наметить пути, этапы развития от нынешней стадии нашей экономики по направлению к коммунизму и дать кроме того очертание, модель того общества, к которому мы идем, конкретизировать его выражение, заняться действительным изучением всего того материала, который относится к этому вопросу. Я не страшусь сказать, что к этому нужно привлечь все и даже перелистать утопистов. Мы достаточно зрелы в политическом и научном отношении, чтобы отнестись к этому до-ленински, чтобы отметить те благоглупости, которые имеются у утопистов. (Вольф: Если можно использовать утопистов, — почему нельзя использовать Фельдмана?). Но я говорю, что мы должны постараться на основе всего того, что имеем, конкретизировать то общество, которое мы собираемся построить. Мы должны наметить те пути, те этапы работы (может быть это труднейшее, наиболее сложное дело), при помощи которых придем к социалистическому обществу. Мне представляется, что именно так нужно было бы поставить вопрос. Не беда, если одна комиссия, один доклад не разрешит всех этих вопросов с самого начала. Это дело коллективное. Но только нужно иметь более правильный, чем это дано здесь, методологический подход, т. е. совершенно иную методологию (марксистскую, а не механистическую установку) для того, чтобы данную несомненно чрезвычайно сложную задачу разрешить и поставить на правильные рельсы. Я утверждаю, что даже попытки такой постановки вопроса, более или менее приближающей нас к постановке ряда проблем и вопросов, даже такой попытки у тов. Ковалевского не имеется.

Первое и основное, что мы должны поставить себе целью, это построение бесклассового общества, причем мне представляется, что это понятие несколько более широкое, чем только осуществление кооперативного плана Ленина. Кооперативный

план В. И. Ленина — это основа для построения социалистического общества, но за сим остается ряд сложных задач, которые нам нужно разрешить. (Ковалевский: А я говорю разве о том, что нужно классовое общество строить?). Вам представляется, что нужно и можно развивать производительные силы независимо от общественного строя. Разрешите мне, товарищи, в дальнейшем не отвечать на все реплики, а то мне придется просить еще лишнее время.

Под бесклассовое общество нужно подвести соответствующую материальную базу, следует дать в этой связи программу технической реконструкции. Следует развернуть самым широким образом конкретизацию проблемы «догнать и перегнать». Здесь имеется ряд своих специфических особенностей, особых проблем, и этим нужно заняться: тут и вопросы нашей социальной структуры, тут и вопросы использования наших мертвых производительных сил и т. д. Мне представляется, что в этой связи мы должны были бы постараться для определенных этапов нашего будущего развития прикинуть именно то сочетание производительных сил и новых растущих и будущих форм производственных отношений, которые действительно двигают нас вперед. Нужно было бы выдвинуть целый ряд других моментов и широко их развернуть, имея в виду проблему «догнать и перегнать». Действительно, нужно дать полную развернутую программу технической реконструкции.

Имеются огромные проблемы, которые у нас до сих пор не разрешены. В Госплане приходится тратить очень много времени, когда мы чувствуем, что натываемся на эти проблемы; мы часто ходим вокруг да около, а эти вопросы авторитетного разрешения до сих пор не получают. Нужно эту работу организовать, разрешить технические проблемы, чтобы на этой основе уже потом строить те кривые, которые так ослепляют тов. Ковалевского. В частном разговоре тов. Ковалевский говорил, что у него как-то скрыты элементы технической реконструкции за теми столбиками и кривыми, которые он здесь излагал. Я его несколько раз слушал, но этих качественных сторон, которые в конечном счете должны определить количественное выражение, я не слышал. (Ковалевский: Я о них не говорил). Я не знаю, что это за секрет, в то время, когда над этим вопросом многие бьются, комиссия его скрывает. (Ковалевский: Мы его не скрываем — имеется 90 печатных листов). Тов. Ковалевский ставит нас в такое положение, что заставляет нас все брать на слово, а так как мы все читали Ленина, то, следовательно, этого делать не хотим.

Следующий момент, который нужно разработать и на который необходимо обратить внимание значительного количества работников по генплану, но который как-то совершенно обходится молчанием (причем этот грех имеется у нас не только в попытках построения генплана, но и в пятилетке) — это вопрос о нашем международном положении. Иногда указывают, что эта тема слишком шекотлива для нас. Я все-таки позволю себе несколько слов на этом собрании сказать на эту тему. У нас имеется то молчаливое положение, будто мы строим планы в условиях международного равновесия: не будет войны, не будет сколько-нибудь серьезных осложнений. Это — раз. Во-вторых, предполагается, что не будет революций ни в одной из капиталистических стран. Конечно, нам трудно запроектировать и то, и другое. Но по части войны. (Ковалевский: Доложите здесь со всеми деталями). Вы раньше выложите секрет о 90 листах (смех).

Если предполагается план на 10—15 лет, то мы должны исходить из нашей международной установки, что такую длительную передышку мировому капиталу революционный пролетариат не даст. Если будет революция в одной из передовых капиталистических стран, то это, очевидно, должно будет несколько изменить направление тех проектировок, которые у нас сейчас намечаются. Ясно, если будет союз нашего Советского Союза с советской Англией или советской Германией, то линия строительства должна быть несколько изменена (голое место: будет сейчас же осуществлено международное разделение труда). Я против того международного разделения труда, которое Базаров выдвигает в настоящее время в условиях капиталистического окружения. Но тогда, когда у нас будет союз с одной или несколькими братскими коммунистическими республиками, международное разделение труда становится в значительной степени реальным.

Это один из тех моментов, который учесть крайне трудно, но над которым крайне необходимо задуматься. Может быть, стоило бы специально попытаться обмислить мнениями по этому поводу.

Возвращаясь к внутренним вопросам, я должен сказать, что нужно поставить на разработку огромный комплекс проблем по вопросам труда. Скажем: сейчас мы уже натываемся на отдельные противоречия, которые встречаются между формами индивидуального и общественного, коллективного стимулирования труда, особенно тогда, когда речь идет о привлечении работников из чуждой нам среды — пока что работников высокой квалификации, которые берутся не из пролетариата и не из коммунистов. Затем вопрос о перерастании форм труда и в колхозах, и в наших предприятиях последовательно социалистического типа. Мы здесь подходим к более широкому вопросу, к вопросу о перерастании самих государственных предприятий последовательно социалистического типа в предприятия социалистические. Тут будет

ряд моментов, которые мы должны запроектировать, как-то учесть и спланировать на ряд лет, на ряд отрезков времени в будущем.

Несколько слов о тех больших темпах, которые здесь излагал тов. Ковалевский, и этим я, пожалуй, постараюсь закончить свое выступление, так как по этой теме можно было бы говорить еще очень много.

Когда нам излагают с большим энтузиазмом эти быстро растущие кривые, когда нам излагают с большим подъемом различные варианты и это делается для того, чтобы показать, что у нас имеются огромные силы, которые дадут совершенно невиданные темпы, совершенно невиданные процессы развития, — это дело очень хорошее. Но ведь убеждать в этом кого-нибудь вряд ли приходится. Не в этом дело. Дело в том, что надо дать нечто более обоснованное, нечто более конкретное и более глубокое. Мне представляется, что тов. Ковалевский повторил здесь в одном отношении ошибку тов. Сабосвича и методологически (но, конечно, не политически) повторяет в конечном счете то, что в свое время говорил проф. Громан и против чего мы выступали вместе с тов. Ковалевским.

Какой мы имеем здесь ход мыслей. У Громана, например, была установка на довоенные коэффициенты, на довоенные соотношения. Он их экстраполировал на тот период, который мы имеем и в настоящее время. Тов. Сабосвич, в противовес Громану, обуреваемый сильными социалистическими и коммунистическими порывами, в конечном счете взял тот же метод, но применил его не к довоенным, а к нашим современным данным. В результате получилась картина внешне весьма разительная, красивая и т. д. По тому же пути по существу идет и тов. Ковалевский. Ведь в той или иной форме это тот же метод экстраполяции, тот же метод выведения количества из количества без всякой оглядки на технические, социальные и всякие иные качества, которые применял Громан. (Ковалевский: Это совершенно неверно). Я вас терпеливо слушал четыре раза, послушайте же меня терпеливо хотя бы во второй раз.

Вот в чем основной порок, по моему мнению. Это можно было бы проиллюстрировать буквально на каждом из вариантов, но, чтобы не отнимать вашего времени, я покажу это только на примере одного варианта.

На странице 23 своего доклада тов. Ковалевский излагает худший вариант, который основан на том, что здесь руководители планового хозяйства, исходя из неверия в преимущество планового хозяйства, совершают некоторый поворот направо. Но что у него получается при этом варианте? Получается тоже огромный темп роста. Правда, он отстает от Германии, Америки и т. д., но получается нечто такое, что на худой конец может нас, по мнению тов. Ковалевского, удовлетворить. Об этом Ковалевский пишет следующее. «Что, прежде всего, — говорит он, — бросается в глаза при первоначальном взгляде на этот вариант?» и отвечает: «то, что производительные силы хозяйства СССР настолько грандиозны, что даже установки, резко снижающие темпы по сравнению с действительно возможными, все же приводят к результатам, которые и во сне не снятся никакой капиталистической стране».

Тов. Ковалевский, я утверждаю, что это чепуха. Так писать нельзя. Здесь взяты только производительные силы, не просто в отрыве от нашей экономической политики, но на основе политики, прямо противоречащей генеральной линии партии. Вы взяли совершенно иные социальные условия и у вас получается такая вера во всемогущество наших производительных сил, что они сами по себе все делают. Получается так, что производительные силы, взятые сами по себе на основе политики, которую ни вы, и никто из нас не разделяет, все-таки дают такие темпы, которые во сне не снятся капиталистическому обществу. Если можно испробовать такой вариант и если его продумать по всем линиям, в особенности по социальной и по политической, то он должен дать другое — он должен дать крах системы, иную социальную систему. (Ковалевский: У меня и написано — крах). Этот крах здесь основывается на том, что у нас получается более низкий уровень потребления, но все-таки рост производительных сил дается более высокий, чем в капиталистических странах. Вот в чем здесь погрешность. Я утверждаю, что при иной социальной и политической системе, чем наша, о таком росте производительных сил, который мы имеем сейчас, говорить нельзя. При иной экономической политике мы не сохраним ни диктатуры пролетариата (тогда, когда она еще нужна и является основой для построения социализма), ни даже нынешней нашей социальной структуры.

Я считаю, что этот вариант выдает тов. Ковалевского с головой. Если он может настолько увлечься кривыми развития, что при прямо противоположной политике у него получается такой сильный рост производительных сил, то это есть ставка только на производительные силы, причем он условий развития производительных сил и их связи с развитием производственных отношений, повидимому, не понимает.

В заключение скажу следующее: для того, чтобы приступить к построению генерального плана, мы должны заняться изучением качественных моментов, изучением тех сложнейших предпосылок, которые по линии социальной, технической, экономической и политической предопределяют возможность осуществления генерального плана.

После этого будет законно заняться вырисовыванием на диаграммах и где угодно тех кривых, которые ослепляют тов. Ковалевского. Дело не в статистике, а в социальных и технических условиях развития.

П. САВЧУК. Я думаю говорить в двух разрезах: 1) о категориях, которыми пользуется тов. Ковалевский в построении своей методологии генплана и понимание которых в его интерпретации не соответствует анализу таковых в теоретической системе К. Маркса, и 2) я хотел бы обратить ваше внимание на социальный профиль того грандиозного строительства материальных основ социализма, которое должно развернуться по проектировке тов. Ковалевского в предстоящие уже не 15, а только 13 лет.

Прежде всего мне хотелось бы выяснить следующий вопрос: можно ли исходить при построении плана развития нашего народного хозяйства из схем простого и расширенного воспроизводства Маркса (Ковалевский, вслед за Фельдманом, почему-то ограничивается лишь схемой простого воспроизводства)? Прежде всего о сущности теории Маркса в целом. Владимир Ильич в своей работе: «Что такое друзья народа» (Ленин, т. I, стр. 76), возражая Михайловскому, писал следующее: «приведя цитату из Блосса о том, что Маркс провозгласил совершенно новое «понимание» истории, он, нисколько не церемонясь, трактует дальше о том, будто эта теория претендует на то, что она «разъясняет человечеству все прошедшее», объясняет «все (sic?)!» прошедшее человечества» и т. п. Ведь это же сплошная фальшь. Теория претендует только на объяснение одной капиталистической общественной организации и никакой другой.

Отсюда совершенно ясно, что Ленин считал, что теория Маркса является анализом лишь закономерностей капиталистического хозяйства. Беря теорию расширенного воспроизводства Маркса, как часть всей теории капиталистического хозяйства, можем ли мы исходить из нее при построении плана развития нашего советского хозяйства, принципиально отличного от капиталистического. Я считаю, что мы можем из нее исходить, но другим путем, т. е. не применяя теории расширенного воспроизводства к нашему хозяйственному развитию, не перенося ее механически из II тома «Капитала» в наши планы, а беря ее как отправной методологический пункт: не беря эту теорию в том виде, как она выражена в неверной интерпретации тов. Фельдмана (см. «Плановое хозяйство» № 12, 1929 г.), а лишь методологически исходя из этой теории.

Что же сделали товарищи Фельдман и Ковалевский?

Они взяли эту теорию целиком (причем неверно переложили на своем ненаучном, немарксистском языке) и по этой теории строят развитие нашего народного хозяйства. В этом коренная ошибка.

Теперь относительно категории «производительного» труда. Тов. Ковалевский говорит, что в будущем обществе всякий труд будет производительным. В капиталистическом хозяйстве производительным считается только тот труд, который дает прибавочную стоимость. Категория производительного труда тесно связана с категорией прибавочной стоимости, а раз не будет прибавочной стоимости, то и, самой собой разумеется, отпадет категория производительного труда. Я утверждаю, что если исходить из методологических предпосылок К. Маркса (а исходить из них необходимо), то мы приходим к выводу, что в социалистическом хозяйстве производительного труда не будет. (Струмилин: Производство без производительного труда?). Да, это парадокс, но это так. У нас будет производство и будет общепользовательный и необходимый труд, а производительного труда не будет. Это есть абсолютно верный вывод из теории Маркса, потому что понятие производительного труда (согласно указанию Маркса) неразрывно связано с понятием прибавочной стоимости. (Голоса: Значит, надо изобрести новые термины). Когда политэкономия вырабатывалась на опыте изучения капиталистического хозяйства, то тогда также изобретались новые термины. Если мы строим социалистическое хозяйство, то нельзя вместе с тем не строить и терминов социалистической экономики, нельзя не строить новых терминов при изучении нового народного хозяйства. Со старыми терминами вы далеко не уедете.

Теперь относительно социального профиля генерального плана. Когда тов. Ковалевский делал этот же доклад в этом же зале, то Г. М. Крижановский ему заметил, что «такими словами, как полное развернутое коммунистическое общество, я бы советовал вам не бросаться». Я должен сказать, что действительно нельзя бросать такие слова, как «полное развернутое коммунистическое общество». Почему? Ведь полное коммунистическое общество предполагает отмирание государства, управленческого аппарата, армии и т. д., т. е. выражаясь терминами политэкономии капитализма — отмирание функций непроизводительного труда. Я беру здесь условный термин. (Ковалевский: Я тоже). Надо было сказать об этом. Я здесь об этом сказал, а вы нет. (Ковалевский: Вы плохо читаете, у меня об этом написано).

Таким образом говорить о полном развернутом коммунистическом обществе в то время, когда мы будем иметь армию и управленческий аппарат, не следует. Мы будем иметь эти атрибуты классового общества, потому что это диктуется необходимостью, вытекающей из существования окружения нас капиталистическим миром, и что между нами и этим миром существует ожесточенная, непрерывная борьба. Так что мы не можем этого забывать. Наоборот, мы стоим на позиции непримиримой борьбы и, обладая всеми средствами нашего быстрого развития, обладая всеми средствами вытекающего из этого развития преимущества, которое дает наше социалистическое хозяйство, мы будем бороться до полной победы. Исходя из этого я считаю, что данная тов. Ковалевским формулировка социальной формы в генплане является неверной формулировкой. Эта ошибочная формулировка является результатом неправильных теоретических предпосылок методологического порядка всей его работы, заключающихся в неправильном понимании развития нашего народного хозяйства, в неправильном анализе сочетания социальной и технической реконструкции. Ясно, что люди, которые говорят только о производительных силах и не говорят о социально-экономической структуре нашего хозяйства, говорят об «эффективности» и «напряженности» (терминология, не имеющая ничего общего с марксизмом), то выводы, которые они делают, являются совершенно необоснованными и противоречат действительности.

Я перехожу к эффективности. Что такое эффективность? В изложении Ковалевского и Фельдмана — это коэффициент «производительности» капитала. Но ведь это же наивнейшее из наивных представлений буржуазной политэкономии. Но примем этот термин в их трактовке. Ковалевский утверждает, что у нас «эффективность» будет расти, причем в первые годы «эффективность» будет расти потому, что мы вводим трехменную работу, непрерывку и т. д. Но тов. Ковалевский отмечает, что нам в будущем придется отказаться от трехменных работ. Это совершенно правильно. Мы сейчас вводим трехменные работы не потому, что человеку очень полезно работать ночью, а потому, что стоит задача — «догнать и перегнать». Но в то время, когда мы развернем производство до широких размеров, мы постепенно все эти атрибуты капиталистического хозяйства будем изгонять и, в первую очередь, конечно, ночной труд, ночные смены, и будем всемерно стараться, чтобы укоротить рабочий день. Отсюда неизбежно падение «эффективности» капитала. Значит рост «эффективности», обусловленный плановым хозяйствованием, будет компенсироваться убылью. Я спрашиваю — на каком же основании вы совершенно произвольно берете бурный рост? Вы проектируете совершенно исключительный рост эффективности до 66% и говорите, что выпускаете труды, в которых это будет доказано. Ну, конечно, мы рады были бы вам поверить на слово.

Теперь о категории «напряженности». Понятие «напряженности» вещь весьма относительная: если в этом году в наших условиях мы имеем «напряженность» в 37% и если 37% являются большим напряжением, героизмом со стороны пролетариата, то в других условиях 65% не будут напряженностью. (Ковалевский: Я это и пишу. Вы именно это у меня прочитали в работе). Почему же у вас эта напряженность снижена до 31%? (Ковалевский: Я об этом рассказывал).

Вы рассказывали, но это не убедительно, все это взято произвольно, как и вся ваша работа построена на совершенно произвольных предпосылках. Я считаю, что, исходя из того, что даже при том капитале, который есть сейчас, мы имеем напряженность в 37% — мы можем это оставить и даже проектировать повышение коэффициента напряженности. Его не нужно спускать. Для этого нет никаких оснований. (Ковалевский: Вы хотите получить 47%). Да, и может быть даже больше. (Ковалевский: Тогда структуру придется еще больше гнать вверх)). Что же из этого, что ее придется гнать. Я как раз сейчас намереваюсь перейти к структуре.

Вы сказали, что вы исходите из структуры американского народного хозяйства. Беря структуру американского хозяйства, вы забываете, что эта структура совершенно неудовлетворительна. Но приблизительно такую структуру вы хотите построить и у нас. (Ковалевский: Нет). Вы дадите для сельского хозяйства удельный вес 12,79%. Вы, очевидно, забываете, что сами проектируете. А сколько сейчас в Америке? (Ковалевский: 25%).

Вы знаете, что продукция сельского хозяйства Америки вовсе не является удовлетворительной, если американский пролетариат питается фальсифицированными продуктами. (Ковалевский: То я проектирую продукцию в три раза более высокую. Смех).

Вы проектируете не втрое большую, а качественно вдвое лучшую и проектируете так, чтобы наш пролетариат не питался фальсифицированными продуктами. (Ковалевский: Я и проектирую питание без маргарина).

То, что вы опираетесь на структуру американского хозяйства, никуда не годится. Это хвостизм, исходным моментом которого является не критический подход к капиталистическому хозяйству. (Ковалевский: Все перепутал).

Еще несколько слов относительно структуры. По полиграфической промышленности у вас имеется явная тенденция в том смысле, что люди со временем будут

меньше читать в соответствии с ростом народного хозяйства. (Вольф: Вы забываете радио, кино). Вы, очевидно, считаете, что все можно узнать посредством радио и кино. Сомневаюсь. (Смех). И сомневаюсь отнюдь не вследствие советов Стена. Думаю, что это по меньшей мере несерьезно.

Заканчивая, я должен сказать, что та структура, которая здесь дается, совершенно не разработана: она произвольна, как произвольны все те установки, которые вы дали. (Ковалевский: Это неверно). От того, что вы качаете головой, не получается верно. (Смех). Методологические основы вашей работы для построения генплана непригодны, они являются отчаянной попыткой поставить разрешение проблемы построения генплана на научные основы, но, к сожалению, это не дало благотворного результата благодаря тому, что отправным пунктом этих попыток взята работа Фельдмана, где не пахнет марксизмом, а значит и революционной теорией пролетариата.

М. РАГОЛЬСКИЙ. Я полагаю, что попытка т. Ковалевского дать подход к проблеме построения генерального плана заслуживает большего внимания и не должна быть целиком отброшена. Несомненно, у него имеется масса недостатков, но, поскольку мы, во-первых, не имеем ничего лучше, а, во-вторых, поскольку он дает большой материал для размышления, — эта проблема заслуживает продумывания. Я, прежде всего, считаю, что подход к построению варианта генплана, исходя из теории воспроизводства, является правильным. И действительно, мы имеем в виду непрерывное повторение процессов воспроизводства в течение определенного отрезка времени, которое докладчик не формулирует, — будет ли это в 10 или 15 лет. Суть не в этом. Важно построить определенную систему общественных отношений на базе известного развития производительных сил. Докладчик уделит центральное внимание воспроизводству общественного продукта, но совершенно недостаточно останавливался на воспроизводстве и изменении общественных отношений и на тех производственных задачах, которые будут разрешаться в пятилетку. Имеет смысл задеть эту проблему с точки зрения темпов, которые мы приблизительно можем здесь предусмотреть. В этом, собственно говоря, лежит центр тяжести доклада. И здесь нам несомненно приходится опираться на те общие предпосылки Маркса по теории воспроизводства, которые он изложил не только в третьей части II тома, но тут приходится обращать внимание на главы о простом и расширенном воспроизводстве I тома «Капитала». Здесь мы имеем ряд положений Маркса, формулирующих условия расширенного воспроизводства. Дело не только в схемах, а в продумывании условий расширенного воспроизводства и в нащупывании того распределения общественного продукта, которое необходимо.

Что касается схем Маркса, то я бы сказал, что докладчик механически перенес их на то общество, которое он проектирует. По существу схемы Маркса имели в виду капиталистическое общество. Поэтому приходится их корректировать, применяя к нашему обществу. Например, распределение чистой продукции (при капитализме $v+m$) осуществляется иначе (индивидуальное потребление буржуазии выпадает). Мы по сравнению с капитализмом имеем большие возможности развивать первое подразделение по сравнению со вторым. Итак, исходя из теории воспроизводства Маркса, мы можем нащупать ряд важных исходных моментов для решения этого вопроса.

Теперь перейду непосредственно к тому варианту, который фигурирует перед нами под титулом варианта № 6. Нужно сказать, что этот вариант экономически недостаточно обоснован. Его дефектом является экономическая необоснованность категории эффективности (категория «Э»).

Здесь я хочу отметить те исправления, которые внесены докладчиком по сравнению с прошлым разом. Сейчас т. Ковалевский обращает гораздо больше внимания на количество общественного труда, которым располагает общество. Я считаю этот момент прогрессом в том смысле, что он дает нам известный опорный пункт для проектировки народного дохода на начальные годы генплана. Тут встает практическая задача нащупать размеры народного дохода. Мне кажется, что в этом направлении докладчик и должен двигаться, т. е. он должен обратить сугубое внимание на проектировку тех возможностей в смысле роста производительности труда, которые стоят перед нами за пределами пятилетки. Тут придется опираться главным образом на тот опыт, который мы имеем и будем иметь в ближайшие два с половиной года на протяжении выполнения пятилетнего плана. Я повторю, что в настоящее время категория Э является необоснованной. Действительно, берется некая абстрактная величина D и говорится, что она в своем выражении должна расти с фондами. Мы имеем в составе D (дохода), во-первых, средства потребления, во-вторых, мы имеем средства производства, служащие для расширенного воспроизводства. Я должен сказать, что D , вообще говоря, в каком-то отношении будет изменяться, это несомненно, но функциональной зависимости между D и Φ тут нет. Предположим, что Э есть отношение D (народного дохода) к Φ (к производительному капиталу). Но D вовсе не обусловлен размером Φ , а при данном органическом составе

капитала и при данной норме прибавочного труда определяется количеством труда, количеством рабочих сил, применяемых в производстве.

В стоимостном выражении величина D определяется числом рабочих сил и средней интенсивностью труда. В стоимостном выражении вместе с ростом органического состава общественного капитала отношение D к Φ должно уменьшаться. Это относится и к социализму, где отношение непосредственного труда к труду уже общественному будет уменьшаться, это уменьшение не следует преувеличивать, но оно неизбежно. Увеличение удельного веса прошлого труда по сравнению с непосредственным, вновь приложенным трудом, в трудовом содержании каждого продукта и есть результат роста производительной силы труда.

Несомненно, что в результате увеличения числа смен, увеличения интенсивности труда, увеличения качества рабочей силы, количество вновь созданных стоимостей должно будет увеличиться. Вместе с большей нагрузкой основных фондов это может дать увеличение отношения D к Φ особенно при удешевлении элементов основных фондов.

«Затухающее» отношение между D и Φ поэтому на целый ряд ближайших лет совершенно необязательно, тем более необязательна затухающая кривая роста валовой продукции (увеличение аккумулируемой части народного дохода и рост производительности труда обеспечивают нарастающие темпы).

Посмотрим, как обстоит дело в натуральном выражении. При росте производительной силы труда массы продукта увеличиваются. В натуральном выражении увеличивается D , хотя, насколько и в какой закономерности — не так легко определить. Но согласимся с докладчиком и примем, что D в натуральном выражении увеличится. В результате этого как-будто увеличится и Э. Но и это не доказано. Ведь рост производительной силы труда увеличивает одновременно и, пожалуй, еще в большей степени в натуральном выражении и Φ . Я хочу сказать, что закономерность развития здесь не так ясна. В Соединенных Штатах мы имеем для 1880 г. соотношение национального дохода к национальному капиталу в 25%, для 1890 г. — 33%, для 1900 г. — 36½% и для 1910 г. — 26%. Здесь трудно установить какую-то определенную тенденцию.

Между тем шестой вариант кружится вокруг первой строчки, опираясь на темп роста «Э». Растет «Э», вместе с ним механически растет « D ». Конечно здесь большой простор, но это экономически необосновано.

Теперь спрашивается, — какой же, примерно, выход можно здесь найти? Нас должен интересовать абсолютный размер D . Это является весьма важной величиной. Мне представляется, что тут при исчислении нужно исходить из того материала, который мы имеем и будем иметь. Мы предполагаем, что к концу пятилетия будем иметь 100% коллективизированных крестьян в основных сельскохозяйственных районах. Зная доход в колхозе, мы имеем известное основание для того, чтобы запроектировать народный доход сельского хозяйства в условиях коллективизации. Также мы имеем известные цифры в отношении промышленности. Здесь должна играть большую роль приблизительная наметка структуры нашей промышленности. Опираясь на эти данные, мы сможем приблизительно наметить массу народного дохода, которым мы будем располагать в начале генплана, и т. д. Опираясь на такой более надежный материал, было бы значительно легче проектировать норму накопления. Здесь, конечно, нужно будет учесть тот опыт, который мы имеем. Мы имеем сейчас эту норму — 37 с чем-то процентов. Здесь также нужно учесть и то, что наряду с 37%, которые идут в материальные накопления, мы имеем значительные изъятия для обслуживания культурных нужд, здравоохранения и, наконец, управления. Здесь требуется проделать работу по сочетанию процессов потребления и процессов накопления. Совершенно ясно, что при значительном росте производительности труда, особенно в отношении предметов непосредственного потребления широких масс, мы можем позволить себе значительно разогнать эту норму накопления. Учет опыта позволит запроектировать на известное число лет абсолютный размер капитальных вложений в народном хозяйстве. Это, конечно, часть работы.

На ряду с этим должна прорабатываться работа по проработке проблемы сплошной электрификации, магистрализации транспорта и т. д. Таким образом, мне представляется, что эти работы должны идти параллельно, т. е. должны идти параллельно работе синтетического и аналитического порядка. Двигаясь в этом направлении, можно получить надежные результаты.

В. А. БАЗАРОВ. Говорят, что рабочая гипотеза генплана докладывается шестой раз. Я второй раз слушал этот доклад и все-таки в настоящий момент не пытаюсь дать систематическую критику всего построения в целом, так как к этому я не подготовлен. Поэтому ограничусь несколькими замечаниями методологического характера. Тут многие правильно указывали, что, прежде чем говорить о методологии перехода от современного положения к последним этапам генплана, надо иметь более разработанную целевую установку, т. е. надо конкретно представить себе, какой вид

должен иметь СССР с точки зрения развития производительных сил, с точки зрения общественных отношений и т. д. на последнем этапе. Тогда будет ясна перспектива перехода. Однако на этом я останавливаться не буду. Достаточно констатировать, что детализированной целевой установки у нас пока нет. Перейду к методологии построения показателей и измерителей.

Тов. Ковалевский дал ряд коэффициентов и показателей, имеющих двойное применение. Одни из них имеют техническое назначение. Эти показатели нужны для того, чтобы установить соответствие отдельных элементов проектировки. Построить балансовые расчеты, вскрыть пропорциональность или диспропорциональность частей народного хозяйства. Другие показатели являются критериями, показывающими, в какой степени удовлетворительно запроектировано народнохозяйственное развитие в его целом. Два слова о показателях первого рода. Тут говорили, что надо конкретизировать. Конкретизировать нужно прежде всего в смысле более детального подразделения общественного производства при составлении балансовых расчетов. Когда мы берем только группы «А» и «Б», а у Маркса это 1 и 2, — то это слишком мало для того, чтобы быть уверенным в правильности баланса. Тут надо взять еще несколько более частных балансов, скажем, баланс силового хозяйства, баланс топливный, и сделать некоторые подразделения в тяжелой индустрии и т. д. На одной из дискуссий тов. Крижановский указывал, что темп электрификации не соответствует другим элементам проектировки генплана. Не знаю — правильно ли это или нет — я не техник, но, если бы энергетический баланс был выявлен в системе показателей, подобного рода недоразумения не могли бы иметь места.

Перехожу к показателям второго рода, к показателям-критериям. В рабочей гипотезе генплана критерием эффективности является коэффициент «Э», дающий «отношение живого труда к мертвому»; это — дробь, числитель которой есть произведение затраченного рабочего времени на производительность труда («чистая продукция»), а знаменатель — все товарно-материальные фонды страны (основные и оборотные). Здесь было высказано мнение, что такая дробь вообще лишена смысла, так как различные именованные числа, величины различного качественного состава, нельзя делить друг на друга. Такую критику я не могу признать правильной. Если одна величина закономерно меняется в зависимости от другой, качественно от нее отличной, то имеет отчетливый смысл вопрос: каково соотношение между этими двумя величинами? Соотношение же это принято условно обозначать знаком деления. Метры нельзя делить на секунды, и тем не менее скорость движения тела мы обозначаем: количество метров пути, приходящееся на единицу времени, или — путь, пройденный телом в единицу времени. Подобный же смысл имеет и показатель «Э». Совершенно независимо от того, какими единицами измеряются «чистая продукция» и «фонды», вполне допустимо спросить: сколько чистой продукции приходится на единицу фондов. На этот вопрос и отвечает показатель «Э».

Но если показатель «Э» безупречен формально, то этого отнюдь нельзя сказать о его материальном содержании, о его пригодности в качестве критерия, позволяющего оценить эффективность народнохозяйственного строительства. «Э» не совпадает с тем, что Маркс называл органическим строением капитала, но тесно связано с этим последним; при прочих равных условиях «Э» тем меньше, чем выше органическое строение общественного капитала. Спецую оговориться, что слово «капитал» я употребляю здесь совершенно условно; надо бы говорить не о «капитале», а о соотношении между живым и кристаллизованным трудом. Но, чтобы не усложнять формулировок, разрешите пользоваться старой терминологией, раз она никого не может ввести в заблуждение. Показатель «Э» может более или менее удовлетворительно отражать эффективность народнохозяйственной реконструкции постольку, поскольку производительность труда растет вследствие планомерной загрузки оборудования, введения непрерывки, повышения сменности, рационализации, не связанной с большими капитальными вложениями, — одним словом за счет мероприятий, не предполагающих заметного повышения органического состава капитала. Но как только на сцену выступает техническая реконструкция, сопровождающаяся обычно резким увеличением удельного веса основного капитала, показатель «Э» становится совершенно ненадежным. В особенности не пригоден он в тех случаях, когда мы переходим к высокой технике от примитивного производства, где основной капитал близок к нулю. Например, тракторизация и вообще механизация нашего примитивного земледелия могут обладать огромной эффективностью, могут чрезвычайно сильно повысить производительность земледельческого труда, а «показатель эффективности» — «Э» при этом весьма вероятно упадет, ибо «фонды», начиная свой рост почти от нуля, покажут на первых порах темпы, превышающие темпы производительности труда. «Э» может падать при росте эффективности и расти при падении эффективности реконструктивных мероприятий. Поэтому он не годится для измерения эффективности. Надежным показателем этой последней может быть только правильно построенный индекс производительности общественного труда. Вот те замечания, которые я хотел сделать.

А. КОН. Несомненно, что ведущей группой отраслей производства в нашем народном хозяйстве фактически является группа, изготовляющая средства производства, и, в частности, энергетика. Но мне кажется, что мы никогда не сможем правильно запроектировать рост этих отраслей, если мы не учтем тех сдвигов, которые происходят и в области производственных отношений. Если, например, мы недоучтем в своих проектировках процесс коллективизации, то недоучтем того темпа роста возможностей, которые открываются в результате процесса коллективизации. Следовательно, не учтем экспортные и импортные возможности и тем самым недоучтем технические возможности роста металлургии. Таким образом, мне представляется, что мы должны даже в краткосрочных планах отправляться не просто от роста материального производства, но и тех социальных сдвигов, которых мы хотим достигнуть, с тем, чтобы затем перейти к тем средствам, которые необходимы для достижения намеченных целей. Если так обстоит дело в применении к краткосрочному планированию, то тем более такой подход обязателен тогда, когда мы имеем дело с долгосрочными планами: с пятилеткой, с генпланом и т. д. Я не думаю, конечно, что достаточно поставить перед собой такую цель, и она будет достигнута. Я полагаю только, что надо возможности взвешивать, исходя из определенной цели, а целью нашей является перестроение производственных отношений.

Когда я слушал доклад т. Ковалевского, для меня было заранее совершенно ясно, что поворота в составлении плана он не произведет. Но мне казалось естественным требовать, чтобы в этом плане был соблюден какой-то минимум. Для нас ясно, что экономические закономерности в нашем обществе не перестают действовать, — они существуют. Говорить здесь вообще об устранении экономических закономерностей было бы нелепостью. Экономические закономерности у нас действуют. Поэтому, если мы хотим сделать более или менее правдоподобную наметку, то нам обязательно нужно взвесить социальные возможности выполнения этого плана.

Здесь т. Вайсберг говорил о классовой борьбе. Несомненно, что в обстановке ожесточенной классовой борьбы мы не можем сделать ни одной проектировки, не учитывая этой классовой борьбы. Совершенно очевидно, что без учета всех противоречий, которые существуют в нашей экономике, без проследивания всех тенденций, которые здесь наблюдаются, без учета возможностей воздействия нашего на стихийные закономерности, вытекающие из частнособственнического сектора, — нельзя совершенно ничего делать. Основной дефект доклада т. Ковалевского заключается, конечно, в том, что он всякие экономические закономерности из своего анализа выкинул. Он совершенно абстрагировался от производственных отношений, совершенно абстрагировался от процессов, которые протекают в области производственных отношений. Маркс, анализируя динамику производственных отношений капитализма, позволял себе выражать достигнутые результаты в определенных количественных соотношениях. Эти количественные соотношения были для него иллюстрацией тех выводов, к которым он приходил. Тов. Ковалевский вообще пробует отбросить экономическое исследование, исследование социальных закономерностей, действующих в нашей экономике, и заменить это исследование количественными экстраполяциями. (Ковалевский: А вы знаете, каковы те закономерности, которые будут действовать через 15 лет?).

Я думаю, что мы не можем предвосхитить во всей сложности тех процессов, которые будут действовать в социалистическом обществе, но мы должны, отправляясь от тех закономерностей, которые действуют в нашей экономике, от той борьбы, которая имеется в нашей экономике, проследить, насколько мы, на почве познания экономических процессов, приобретаем свободу воли и действий, и лишь в результате этого строить план действий. Если вы захотите вообще отбросить всю эту сторону вопроса и попытаетесь заменить все установлением некоторых количественных соотношений, то, спрашивается, — соотношения чего вы получите? Что это за соотношение. Тут будут некоторые количественные пропорции, но пропорции чего, — на этот вопрос вы не ответите, т. Ковалевский. Либо это пропорции натуральных элементов производственного аппарата. Совершенно очевидно, если иметь здесь в виду натуральные элементы производственного аппарата, что между ними никаких количественных соотношений, взятых в натуре, вы не установите. И наконец если вы установите каким-то индексом, то во всяком случае такая количественная пропорция ничего не дала бы, ибо мы знаем, что не продвинемся вперед помимо закономерности. (Ковалевский: Почему?). Раз вы приходите к тому, что устанавливаете те или другие количественные соотношения, абстрагируясь от экономических закономерностей, то тем самым вы подтверждаете тот вывод, который сделали уже многие из выступавших товарищей, что здесь имеется просто игра в цифры, здесь нет экономического исследования — здесь нет экономического плана. Этот вывод я сделал в первом выступлении; этот же вывод я должен подтвердить со всей решительностью и сейчас.

Чрезвычайно любопытно, что в основе всех построений т. Ковалевского лежит некоторый коэффициент, коэффициент эффективности. Попробуйте отбросить этот коэффициент эффективности, и все построения т. Ковалевского не могут быть сделаны, ибо на этом коэффициенте эффективности строится все. Что это за коэффициент эффектив-

ности? Я утверждаю, что если бы даже этот «коэффициент эффективности» был законным понятием, то и в этом случае получилась бы игра в цифирки, потому что т. Ковалевский абстрагируется от экономических закономерностей. Однако этот «коэффициент эффективности» есть понятие незаконное и во всяком случае он совершенно непоказателен.

Я согласен с т. Петровым в том отношении, что здесь неизвестно, что, собственно говоря, т. Ковалевский вычисляет: идет ли здесь речь о потребительной стоимости, или о чем-то другом. Совершенно ясно, что поскольку т. Ковалевский берет твердые цены, очевидно, что здесь не может быть ни стоимостных соотношений, ни соотношений по производительности труда, — это только объемное соотношение.

Замечательно интересно еще вот что, что в докладе т. Ковалевского в том исправленном виде, который мы имеем перед собой, говорится о некотором «богатстве», матерью которого является природа, а отцом является труд. Совершенно очевидно, что если т. Ковалевский имел в виду такое «богатство», то он говорит о потребительных стоимостях, а не о чем-либо другом. Если же идет речь о соотношении потребительных стоимостей, то этот коэффициент незаконный, потому что соотношение между сапогами и яйцами в сметку совершенно ничего не дает. Уже по одному этому коэффициент незаконный. Для меня важна еще одна мысль, которая не должна ни в коем случае выпасть из нашего внимания. Если здесь даже возможно установить соотношение между чистой продукцией и наличными фондами — допустим, что такое соотношение правомерно, то согласитесь с тем, что это соотношение отражает вовсе не изменения производительности труда. Чем выше органический состав фондов, — если так можно выразиться, — тем (естественно) отношение между чистой продукцией и фондами должно быть меньше. Таким образом, даже в том случае, если даже у нас производительность труда возрастает чрезвычайно сильно, благодаря применению наиболее высокой техники, и в этом случае эффективность будет неизбежно падать. Почему? Потому, что вы берете соотношение не между чистой продукцией и затраченным трудом, в том или другом отношении, а между чистой продукцией и фондами, куда входит техника во всем своем разнообразии и живой труд. Таким образом, это соотношение совершенно непоказательно.

Я хочу констатировать, что если первая ошибка Ковалевского заключается в том, что он абстрагируется от экономической закономерности, пытается заменить экономический анализ игрой в цифирки, то вторая его ошибка заключается в том, что эта игра в цифирки сделана на неправильной основе. Любопытно, как всеми этими вариантами оперирует т. Ковалевский. Совершенно ясно, что если вы возьмете несколько арифметических формул и будете производить с ними операции, то можете получить бесконечное количество комбинаций. Все эти ответы есть результаты арифметических комбинаций, но не экономического планирования. Получая такой ряд арифметических комбинаций, т. Ковалевский начинает их «экономически» исследовать. Он ставит вопрос: подходит ли данная комбинация к нашей экономической политике или нет, соответствует ли она нашей основной установке или нет, соответствует ли она генеральной линии партии или нет, и в конце концов он останавливается на той, которая соответствует основной линии нашей партии и т. д., и т. д. Таким образом, не формула выводится из анализа экономической закономерности, а, наоборот, устанавливается формула, а потом к ней подходят с экономическими очками, если можно так выразиться. Я полагаю, что такой метод является для нас неприемлемым. Тов. Ковалевский взвешивает приемлемость тех или иных формул, но он не взвешивает возможности тех или иных путей экономического развития. Вы оцениваете насколько они для нас приемлемы, но не оцениваете насколько они экономически возможны. Это своеобразный подход. Поскольку это так, постольку и этот последний этап планирования т. Ковалевского является тоже несостоятельным, и формула, которая перед нами лежит, оказывается неубедительной.

Здесь мы слышали чрезвычайно оптимистические и чрезвычайно утешительные цифры. Тов. Струмилин во время прений на закрытом заседании по докладу т. Ковалевского совершенно правильно указывал, что таким методом можно получить, например, продукцию железа, равную четырем объемам земного шара. В этом ярком примере дана достаточно убедительная оценка всего доклада т. Ковалевского.

М. ВЛАСОВ. Товарищи, я считаю, что привлечение марксовых схем воспроизводства к построению генплана является заслугой тов. Ковалевского. Я думаю, что предвзятость, которая очень распространена среди экономистов к применению математических формул в политической экономии, эта предвзятость должна быть преодолена. Я полагаю, что тов. Савчук ошибался, когда утверждал, что схемы Маркса применимы только лишь к капиталистическому строю и не могут быть использованы по отношению к строю переходному и к строю социалистическому. В ответ на утверждение Бухарина в «Экономике переходного периода», что конец капиталистического товарного общества будет концом и политической экономии, Ленин замечает (я думаю, что это известно многим из присутствующих): «Не верно. Даже в чистом коммунизме хотя бы отношение $I(v+m)$ к IIc и накопление?».

Из этого видно, что Ленин считал, что приведенная им формула имеет отношение и к социалистическому обществу.

Я хотел использовать свое время, товарищи, прежде всего на то, чтобы указать на неточность в отрывной формуле расширенного воспроизводства, которой пользовался тов. Ковалевский. Эта неточность имеет значение потому, что из нее исходит тов. Ковалевский, а это обстоятельство должно повлиять на правильность и его дальнейших выводов.

Товарищи, как вы знаете, формула простого воспроизводства, которую приводит Маркс, состоит в следующем: $C^2 = v' + m'$. Каков смысл этой формулы? Смысл ее заключается в том, что производительное потребление второго подразделения для равновесия системы должно равняться личному потреблению первого подразделения. И в такой формулировке она является верной не только для простого воспроизводства, но и для расширенного воспроизводства, и для суженного, и для какого угодно вообще воспроизводства. Всегда производительное потребление второго подразделения равняется личному потреблению первого подразделения в одном и том же году. Ход рассуждений для доказательства применимости этого правила к расширенному воспроизводству должен быть буквально таким же точно, как ход рассуждений у Маркса, когда он выводит для простого воспроизводства формулу: $C^2 = v' + m'$. А если это верно, то мы для расширенного воспроизводства будем иметь эту формулу в следующем видоизмененном виде: $C^2 = v' + m'n$ (потребляемое). И в таком виде эта формула явится общей как для простого воспроизводства, так и для расширенного воспроизводства. В частном случае простого воспроизводства, когда все m потребляется и $m'n = m$, формула приобретает вид: $C^2 = v' + m'$.

Если мы берем формулу $C^2 = v' + m'n$, как общую формулу воспроизводства, то разница между простым и расширенным воспроизводством будет состоять в том, что эти величины для простого воспроизводства являются постоянными, а для расширенного — переменными, именно они растут из года в год. А если это так, то и прирост этих величин должен отвечать той же самой формуле, т. е. $C^2 = \Delta v' + \Delta m$ (потребляемое). Конечно, будет правильно, если мы обе эти формулы сложим и получим шестичленную формулу: $C^2 + \Delta C^2 = v' + \Delta v' + m'n + \Delta m'n$.

Все три приведенные выше формулы, как видим, имеют одинаковые смысл и значение, именно, что « C » второго подразделения равно фонду потребления первого подразделения. В развернутом виде это выражено в нашей третьей шестичленной формуле, а между тем мы находим у Бухарина, в его известной книге «Империализм и накопление капитала» формулу пятичленную, в которой, следовательно, один член выпал.

Надо сказать, что эту последнюю бухаринскую формулу, как правильную, употребляют все товарищи, которые принимают за математический анализ схем воспроизводства Маркса. Мы находим эту формулу и у т. Ковалевского, и у т. Фельдмана, и у т. Погонкина в «Проблемах экономики». Она настойчиво употребляется всеми с утверждением, что это — действительно правильная формула. А между тем эта формула неправильна. Она имеет следующий вид: $C^2 + \Delta C^2 = v' + \Delta v' + m'n + \Delta m'n$. Правильная же формула включает в себя еще и шестой член $\Delta m'n$ и представляет собой следующее: $C^2 + \Delta C^2 = v' + \Delta v' + m'n + \Delta m'n$. Как видим, шестой член $\Delta m'n$ в формуле Бухарина выпал. (Фельдман: И правильно, что выпал). К сожалению, здесь за недостатком времени трудно спорить. Надо сказать, что с удивительным упорством эта ошибка время повторяется и защищается. В чем дело? Из каких источников эта ошибка происходит? Я могу вам показать не только на основании своих рассуждений, но и на основании схем воспроизводства Маркса, что я здесь прав. Источник этой ошибки заключается в следующем. Когда начинают разлагать m — прибавочную стоимость, то рассуждают таким образом, что прибавочная стоимость либо пойдет на расширение производства, на накопление, либо она будет потреблена капиталистом. Рассуждение совершенно правильное и поэтому делают m на mp и mn . Но спрашивается, когда mn (потребляемое) будет потребляться — в данном производственном цикле или в следующем производственном цикле? В этом весь вопрос. Та часть, которая будет использована на расширение воспроизводства, будет использована в следующем производственном цикле, но и та часть m , которая пойдет на потребление, очевидно, будет использована также в следующем производственном цикле, потому что нельзя потреблять то, что еще не произведено. Следовательно, потребление капиталистов в следующем производственном цикле будет равняться mn (потребляемое в этом году) плюс тот прирост, который необходим к следующему году. Вот это мое рассуждение — правильно или нет? (Голоса: «Неправильно». «Правильно»). При выведении сложных формул на основании ошибочной формулы т. Бухарина совершенно неизбежна ошибка и во всех дальнейших формулах.

Дальше я хотел бы остановиться на следующем моменте: мне кажется, что формулы, которыми пользуются тт. Ковалевский и Фельдман, слишком сложны и могли бы быть упрощены. При выведении формул воспроизводства ими не использованы некоторые простые закономерности, свойственные воспроизводству. На одну такую простую закономерность я хотел бы указать. При этом я

считаю, что пользование величинами, взятыми из капиталистического общества, является излишним, и я думаю, можно было бы без этого обойтись. Я лично пользуюсь следующими понятиями: 1) Уровень экономического развития общества, который выражается в удельном весе первого подразделения, т. е. тяжелой промышленности. Чем выше удельный вес тяжелой промышленности, тем выше развитие общества. Я думаю, это бесспорно. Кроме того это понятие, включающее в себя взаимоотношение между первым и вторым подразделениями, является чрезвычайно важным и с точки зрения равновесия в промышленности. 2) Следующее понятие, которое я использую, это экономическое выражение уровня техники, — считаю наиболее целесообразным за него считать удельный вес мертвого труда в продукции: чем выше удельный вес мертвого труда в продукции, тем выше уровень техники. Он будет колебаться от нуля до единицы и представлять собой коэффициент уровня техники. При выборе этого коэффициента, я сошлюсь на Маркса. Он говорит следующее: «Повышение производительности труда заключается в том, что доля живого труда уменьшается, а доля мертвого труда увеличивается, но таким образом, что общая сумма труда, заключенного в товаре, уменьшается»¹. А что такое уровень техники? Чем выше он, тем выше должна быть производительность труда. Уровень техники мы можем себе представить только в этом смысле. Повышение же доли мертвого труда в стоимости продукции производится только в целях повышения производительности труда. Следовательно доля мертвого труда и представляет собой экономическое выражение уровня техники. 3) Следующее понятие — это темп роста валовой продукции, отношение продукции следующего года к продукции данного года.

Между этими тремя величинами существует следующая, установленная мною, зависимость: первая величина равна произведению второй и третьей величин. Я считаю эту закономерность важной.

Доказательство можно привести простое. Его можно изобразить и графически, и строго математически. Я с этим вопросом достаточно повозился и могу доказать алгебраически, что удельный вес первого подразделения равняется удельному весу мертвого труда, помноженному на темпы роста, или иначе: уровень экономического развития общества прямо пропорционален экономическому выражению уровня техники и темпу роста валовой продукции. В применяемых мной обозначениях $H = hT$, где H — удельный вес 1-го подразделения, h — удельный вес мертвого труда, а T — темп роста продукции. Что эта формула правильная, в этом можно убедиться на примерах, взятых из схем Маркса:

	H	h	T
1-я схема			
1-й год.	$\frac{2}{3}$	$\frac{55}{90}$	$\frac{12}{11}$
2-й год.	$\frac{66}{98}$	$\frac{60}{98}$	1,1
2-я схема			
1-й год.	0,77	$\frac{5}{7}$	1,09

За невозможностью дать здесь очень простое и наглядное графическое доказательство, я обращаюсь к алгебраическому.

При простом воспроизводстве первое подразделение служит только для того, чтобы восполнять израсходование (с) средств производства. А поэтому продукция первого подразделения должна быть равна той части продукции обоих подразделений (с), в которой овеществлен мертвый труд. А следовательно, и удельные веса обеих величин в общей продукции (H и h должны быть также равны между собой, т. е. высота экономического развития общества определяется высотой его технического развития.

При расширенном же воспроизводстве первое подразделение сравнительно со случаем простого воспроизводства должно быть больше. Во сколько раз? Если мы хотим расширить продукцию на следующий год, скажем, в $1\frac{1}{2}$ раза, то, понятно, во столько же раз больше, чем в случае простого воспроизводства, мы в данном году должны приготвить и средств производства. И если мы расширяем продукцию в T раз, то именно в T раз должен быть больше и удельный вес первого подразделения, чем в случае простого воспроизводства, т. е. $H = h \times T$. Следовательно, высота экономического развития общества (а значит, и связанная с ним степень индустриализации) определяется как высотой техники его хозяйства, так и темпом роста продукции последнего.

Что дает эта формула? Анализ ее дает ряд интересных вещей, скажем анализ темпа. (Струмиллин. Темп роста C , или темп производства?). Темп роста валовой продукции. Темп (T) из этой формулы равняется $\frac{H}{h}$. Отсюда получается следующий

вывод, который при наличии времени я могу обосновать, что при неизменном уровне техники и при повторяющихся из года в год темпах роста, темпы роста в первом и втором подразделениях должны быть одинаковыми и только в том случае, если темп роста всей промышленности увеличивается из года в год, темп роста в первом подразделении должен быть выше, чем во втором подразделении. Или если уровень техники меняется, растет, то точно так же темп роста в первом подразделении должен быть выше, чем во втором подразделении, и мы можем даже точно определить, какова должна быть разница в темпах.

У меня есть еще один вопрос, которого я хотел коснуться. Я хотел коснуться понятия эффективности у т. Ковалевского. Он говорит, что это есть отношение живого труда к мертвому, и говорит, что, чем выше будет производительность труда, тем выше будет эта величина. Между тем производительность труда находится в прямой зависимости от обратного отношения, от отношения мертвого труда к живому. Чем выше отношение мертвого труда к живому, тем выше производительность труда и тем, следовательно, должна быть выше эффективность. Здесь получается обратное тому, что утверждает т. Ковалевский. Чрезвычайно характерно, что в капиталистических странах «эффективность» т. Ковалевского из года в год уменьшается, но как-будто там производительность труда растет. Правда, т. Ковалевский утверждает, что у нас, не в пример капиталистическому Западу, его «эффективность» будет расти (Голос: «Вы производительность труда рассчитываете по валовой продукции?»). Я говорю, что производительность труда находит свое экономическое выражение в отношении мертвого труда к живому, и вообще рост производительности труда есть увеличение продукции, выраженной в материальной форме, к одному и тому же количеству вообще труда (как живого, так и мертвого).

Я думаю, что развитие социалистического общества будет состоять в том, что доля живого труда будет уменьшаться и настолько будет уменьшаться, что в будущем живой труд сведется почти к нулю или приблизится к нулю. (Голос: «А как же будет идти производство?»). Это надо понимать математически: если величина все время беспрестанно уменьшается, то она приближается к нулю. Во всяком случае, у Маркса мы находим место, где он говорит о том, что мы с течением времени освободимся от обязательного труда. (Голос: «Это не значит от труда освободиться, а от необходимого обязательного труда»). Во всяком случае мы приближаемся к такому положению, что прошлый труд, т. е. машина, будет замещать живой труд. Живой труд будет приближаться к ничтожной величине. (Голос: «Это логически абсурдно»). Если мы будем развиваться в определенную сторону, то мы должны указать тот предел, к которому мы стремимся, и тогда эта эффективность, о которой говорит т. Ковалевский, будет также приближаться к нулю.

У т. Ковалевского так получается, что когда он берет отношение «Д» к «Ф», то только величина живого труда («Д») связана с производительностью труда, потому что она выражена в твердых ценах начального момента данного периода. Но ведь и величина «Ф» выражена также в твердых ценах и, следовательно, рост производительности труда увеличивает как числителя, так равно и знаменателя, и поэтому вся величина («Д») — отношение «Д» к «Ф» не находится в прямой зависимости от производительности труда. (Ковалевский: Кто сказал, что она находится в зависимости от производительности труда?). Если мы докажем, что производительность труда в части продукции, которая выражается знаком «Д», растет быстрее, чем производительность труда заключенного фонда, то тогда «Д» будет реагировать на рост производительности труда. Но это доказать нельзя. Несомненно, что фонды растут вообще и кроме того в материальном выражении растут вместе с производительностью труда. (Ковалевский: Вы не разбираетесь в этом вопросе). Наоборот, я-то разбираюсь, а вы, мне кажется, нет. Фонды выражены также в твердых ценах и, следовательно, они будут также реагировать на производительность труда. Следовательно, вместе с ростом производительности труда будут увеличиваться и числитель и знаменатель, а величина «Д» поэтому не будет находиться в прямой зависимости от производительности труда и значит никакой эффективности собой выражать не может. Так как эта величина («Д») играет большую роль у т. Ковалевского, и он на этом строит генплан, то мне представляется, что эта часть его работы является совершенно необоснованной.

С. В. ШАХНОВСКАЯ. Г. М. Кржижановский, говоря о генплане, справедливо замечает, что научный синтез планирования не есть простое арифметическое сложение и что генплан является результатом некоторых последовательных вариантных приближений. Удовлетворяет ли методологическим требованиям научного синтеза рабочая гипотеза, предложенная тов. Ковалевским? Словесно признавая необходимость сочетания «метода инженерного расчета с методом экономического анализа», тов. Ковалевский на деле придает гипертрофированное значение математическим исследованиям, одновременно игнорируя метод вариантных последовательных приближений.

В чем заключается сущность этого нового метода — математической формулы простейших связей элементов производственного процесса?

¹ Маркс, «Капитал», т. III, ч. I, стр. 242, изд. 1924 г.

«Запроектировав два решающих коэффициента (эффективность производственного процесса и норму накопления) и их динамику на протяжении генплана, мы тем самым, — говорит тов. Ковалевский, — задаем все движение прочих показателей в генплане». Прежде всего, можно ли рассматривать эти коэффициенты как решающие показатели?

Критические замечания, которые здесь уже имели место по этому вопросу (я их повторять здесь не буду), сводятся к тому, что в период кардинальной социалистической реконструкции нашего хозяйства эти показатели ни в какой мере нельзя считать решающими в том смысле, что они «задают все движение». Они сами являются производными и обуславливаются рядом факторов. Свое логическое развитие, доведенное до совершенно явного абсурда форм, математический метод принимает в концепции тов. Розентула, изложенной им в специальном документе «Методология генерального планирования»¹. Можно задаться общими соображениями кривой динамики трех основных средневзвешенных норм, определяющих темпы процессов расширенного воспроизводства, — говорит т. Розентул, — и можно механически исчислить динамику количественных показателей. Таким образом, по существу дела, планирование народного хозяйства сводится к механическому исчислению качественных показателей или трех основных норм (накопления, продуктивного накопления и продуктивности фондов производства и распределения), а тем самым и количественных показателей.

«Если даны основные количественные показатели за какой-нибудь начальный год и, далее, динамика нормативных или качественных показателей за дальнейшие годы, то, — пишет тов. Розентул, — динамика количественных показателей за эти годы является уже вполне определенной и предпрешенной сделанной предпосылкой, так что нахождение этой динамики сводится к простым арифметическим подсчетам». Об одном лишь забывает тов. Розентул, что для того, чтобы задаваться теми или иными нормами, их нужно ранее определить и спланировать. Для тов. Розентула здесь нет проблемы, ибо «выбор оптимума между накоплением и потреблением основан на компромиссе». Таким образом эта важнейшая проблема — отыскание оптимума между накоплением и потреблением, осталась научно совершенно необоснованной и не связанной в концепции тов. Розентула с задачами социалистической реконструкции и индустриализации страны.

Выявление оптимальных линий развития невозможно без теоретического осознания нового этапа нэпа и динамики прошлого развития (изучение последней должно служить не для голых статистических экстраполяций на период генплана, а для критического сопоставления с проектировками на будущее развитие). Генплан должен строиться на идее диалектического развития и коренных количественных и качественных изменений во всей структуре народного хозяйства.

Вместе с тем тов. Розентул пытается находить и преимущества предложенного им метода над методом вариантных последовательных приближений. «Поскольку, — говорит он, — мы заменяем проектировку динамики количественных показателей планированием динамики норм, мы освобождаем наше проектирование в значительной степени от давления статистики. Нам не приходится уже помнить о нормативных и балансовых связях, существующих между отдельными показателями. Они автоматически учитываются в тех статистических расчетах, которые совершенно не связаны с планированием...

Отделение статистики от планирования позволяет механизировать первую и сделать второе более плодотворным».

Не приходится много распространяться на тему о том, какую пользу может принести разрыв между статистикой и планированием. В этом случае эффект может получиться как раз обратный тому, о чем говорит тов. Розентул, ибо статистика не сходит на-нет, а приобретает все большее значение в деле планирования, как одно из орудий последнего. Полная несостоятельность основного аргумента, приводимого тов. Розентулом в пользу предложенного им метода, а также ненаучность его и отсутствие диалектической связи с целевыми установками генплана на построение социализма дает все основания к тому, чтобы отвергнуть математический метод построения генплана.

Что касается тов. Ковалевского, то преимущества метода, предложенного им, он видит в том, что последний дает возможность получить «заведомо сбалансированный вариант». Прежде всего, нам не нужен в генплане во всех его частях заведомо сбалансированный вариант уже по той причине, что такая установка на готовый план, исключая качественные сдвиги, ограничивает роль директивы в плане и возможности маневрирования. Лишь методом последовательных вариантных приближений можно подойти к построению генплана расширенного воспроизводства социалистических отношений на основе технической и социально-экономической реконструкции. И в основу плана ГОЭЛРО для выявления оптимумов развития технико-производственных и социально-экономических моментов был положен метод вариантных по-

следовательных приближений. Не надо забывать, что план ГОЭЛРО был составлен в период, когда еще не было опыта социалистического строительства. Тем более в период социалистической реконструкции народного хозяйства, в период резких сдвигов и изменений нет никаких оснований пересматривать и урезать метод последовательных вариантных приближений. Интересно отметить и другой характерный момент плана ГОЭЛРО — его несколько «пренебрежительное» отношение к цифровым исчислениям. «Не нужно педантизма, лучше грубый топор, чем тонкий фрезер», говорил Г. М. Кржижановский по поводу значения цифр, запроектированных в плане. По замыслу авторов ГОЭЛРО цифры имеют сугубо-ориентировочный и приблизительный характер: тщательно обработанные цифры во всех деталях и со всей точностью могут лишь заслонить общую идею.

Так и получилось в рабочей гипотезе тов. Ковалевского. Увлеченный математической формулой, поспешно и ошибочно отождествив научный синтез с методом математических связей и зависимости простейших элементов, тов. Ковалевский не дал той экономической формулы социализма, которую он должен был дать. Говоря о приращении в генплане метода научного синтеза, мы имеем в виду необходимость прежде всего теоретического осознания тех социально-экономических сдвигов и изменений, которые сейчас происходят в нашей стране на новом этапе нэпа, оформления тенденций их развития и конкретных путей их осуществления на основе нашей целевой установки — строительства социализма. Без этого методологического приема, вводящего в проблемы генплана, последний построить невозможно.

Как пример отсутствия такой конкретизации можно привести тот факт, что тов. Ковалевский выдвинул тезис о ликвидации нэпа в течение 2-3 ближайших лет, не обосновав это исходное положение и отмахнувшись от вопроса «кто кого».

Из чего надо исходить при разработке генплана? Отправным моментом для т. Ковалевского являются показатели эффективности и норм накопления. Такой путь неверен. В основу генплана должна быть положена обобщающая социально-экономическая концепция, освещающая все строительство социализма; без такой концепции нельзя дать развернутой формулы социализма и обоснований процесса расширенного воспроизводства. Тов. Ковалевский не показал, как и при каких условиях происходит этот процесс, чем обеспечиваются ускорение темпов накопления и те пропорции, о которых он говорит. Поэтому уже на данном этапе совершенно необходимо приступить к установлению тех или иных закономерностей и тенденций нашего развития, ибо марксистская методология требует от нас этого. Маркс не один раз останавливался на так называемой экономической необходимости, неизбежной и при социалистическом хозяйстве. В «Критике готской программы» Маркс, говоря о вычетах из продукта труда коммунистического общества на «покрытие потребленных средств производства» для расширения производства, «в запасный или страховой фонд для обеспечения против несчастных случаев, стихийных происшествий и прочее», указывает, что «эти вычеты из «не подлежащего вычетам дохода от труда» представляют экономическую необходимость; их величину надо определять, сообразуясь с наличными средствами и силами, отчасти же по теории вероятностей, но никоим образом нельзя вычислять ее из справедливости». Если бы в работе тов. Ковалевского были проанализированы и установлены те или иные закономерности, то не было бы ряда противоречивых мест, которые имеются в гипотезе. Указывая на отсутствие товарообмена и наличие организованного сотрудничества и т. п., тов. Ковалевский считает, что эта стадия развития социализма будет сопровождаться денежным расчетом за произведенный труд и денежной формой распределения продуктов труда. А между тем в «Принципах коммунизма» Энгельс говорит: «Наконец, когда весь капитал, все производство и весь обмен будут сосредоточены в руках нации, частная собственность отпадает сама, деньги станут лишними, и производство настолько увеличится, настолько изменятся люди, что последние формы обмена старого общества смогут пасть».

Вопрос об отмирании денег требует особого исследования, причем его необходимо ставить по отдельным этапам нашего развития. Интересно привести по этому поводу точку зрения тов. Осинского, который в речи на XV партконференции заметил следующее: «Капитализм в смысле охвата капиталистическими отношениями всего народного хозяйства какой-либо страны явился не на десятки, а на сотни лет позже того, как появилось в этих странах товарное обращение, затем появились деньги, затем возник денежный, ростовщический капитал, а затем через очень длительный промежуток времени была охвачена капиталом промышленность, и создался современный, теперь уже умирающий капитализм. И вот, если кто-либо не стоит на совершенно схоластической, метафизической точке зрения, тот должен понять, что процесс умирания капитализма, вытеснение его социализмом пойдет (он уже идет) аналогично, но в обратном порядке: последним умрет товарное обращение».

На этой точке зрения стоит, очевидно, и тов. Ковалевский. Но в таком случае тов. Ковалевский должен был осветить и другой вопрос — проблему трансформации экономических категорий (стоимости, денег, цены и т. п.). Еще совсем недавно были предложения проектировать генплан в формах нэпа и ценностных категорий.

¹ Отдельные места этого рукописного документа цитируются с разрешения автора. С. Ш. Александров.

Этот вопрос два года тому назад подвергся большой дискуссии. Тов. Трахтенберг спрашивал («Плановое хозяйство», № 6 за 1928 г.)—сохраняется ли ценностный обмен в «Методологии плана реконструкции» тов. Ковалевского. «Если устанавливаем, — говорил он дальше, — неизменность цены, то значит мы заранее устанавливаем неизменность всех социальных отношений... Когда сохраняются ценностные отношения, то вся реконструкция возможна только при изменении цен».

Тов. Ковалевский считает возможным в генплане исходить из неизменных цен. Очевидно, допуская «ценовой учет» в качестве известного технического приема, т. Ковалевский не имеет в виду неизменность социальных отношений и выражающих эти отношения экономических категорий, а между тем эту проблему единицы учета не проанализировал в достаточной мере.

Вопросы трансформации рыночных отношений и процесса преодоления рынка, вопросы ликвидации противоречий между городом и деревней и т. п. суть те методологические проблемы, игнорировать которые никак нельзя. Таким образом, рабочую гипотезу надо было начинать с анализа последовательных ступеней и этапов развития, перестройки производственных отношений и перехода количественных в новое социалистическое качество и с указания последовательности мероприятий, какими диктатура пролетариата перестраивает старые производственные отношения и организует новые, социалистические.

Ряд товарищей уже отмечал заслуги тов. Ковалевского, как пионера в деле подготовки генплана. Эти заслуги особенно ясны, если сопоставить работу тов. Ковалевского, хотя и не совершенную еще, с теми установками генерального плана, которые были даны комиссией проф. Осадчего в 1926 г.¹ Основные установки сводились тогда к следующему:

«В виду сильного влияния, оказываемого в нашей, по преимуществу аграрной, стране урожаем и другими стихийными факторами на ход и темп развития народного хозяйства, при самой постановке проблемы генерального плана было признано, как это видно из характера заданий, невозможным фиксировать на ряд лет вперед темп развития народного хозяйства и устанавливать календарные сроки осуществления различных заданий».

В соответствии с этой основной задачей генерального плана становится выявление необходимой пропорциональности в темпе развития различных отраслей народного хозяйства, обеспечивающей гармоническое развитие его в направлении к достижению намечаемого ныне уровня удовлетворения потребности районов и всей страны...

Обращаясь к вопросу об уровне намечаемых достижений для предстоящих 10—15 лет и учитывая крайнее неудобство класть в основу генерального плана высокие, трудно осуществимые задания, Госплан ориентируется на удвоение за рассматриваемый период реального среднего дохода на душу населения Союза — по сравнению с тем доходом, который ожидается в текущем операционном году.

Что касается бюджета Союза, то Госплан ориентируется на устойчивую процентную величину бюджета по отношению к общей сумме народного дохода, причем предвидит постепенное увеличение доли бюджета, идущей на производительные цели».

Не вдаваясь в оценку столь убогих установок, как удвоения дохода на душу населения, как устойчивой процентной величины бюджета к народному доходу и т. п., далеких от программы развернутого строительства социализма, следует сказать о тех достижениях, которые имеются по этому вопросу уже в настоящий момент.

Тов. Ковалевский поставил проблему темпа, от которой отказалась комиссия проф. Осадчего. Однако, надо отметить, что проблема обусловленности высоких и нарастающих темпов, степени их реальности осталась еще неосвещенной. Этот вопрос требует весьма тщательного исследования, с учетом всех наших возможностей и ресурсов. Отсюда и проблема накопления, проблема методов регулирования и факторов, обеспечивающих его, приобретает решающее значение. Здесь надо иметь в виду и степень реконструктивных процессов, и наличие кадров рабочей силы, и перспективы возможного рационального использования их.

Другая методологическая проблема, которая стояла перед комиссией проф. Осадчего, — проблема пропорциональности — и в рабочей гипотезе тов. Ковалевского совершенно не конкретизирована. Вместе с тем, в этой области — непочатый край работы. Формула, данная Владимиром Ильичем Лениным, о том, что даже при чистом коммунизме остается отношение $I + m + K$ и накопление проливает свет на систему связей и зависимостей, но вместе с тем требует создать то новое специфическое, что присуще социализму, — требует конкретизации того, о чем говорил Маркс в «Капитале». «По уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства, определение стоимости попрежнему продолжает господствовать в том смысле, что, регулирование рабочего времени и распределение об-

щественного труда между различными отраслями производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия — становится важнее, чем когда бы то ни было». Совершенно бесспорно, что одной из важных проблем в генплане должна быть и проблема пропорционального распределения общественного труда, но самый тип пропорции должен быть определен применительно к качественной системе хозяйства.

Без разрешения этих «определяющих черт», которые должны быть исходными пунктами работы, а не ее приложениями, всякое оформление генплана будет недостаточным и необоснованным.

Наши выводы сводятся к следующему:

Тов. Ковалевский должен отказаться от излишнего увлечения той математической формулой, которую он положил в основу рабочей гипотезы построения генплана. Несмотря на то, что тов. Ковалевский располагает богатейшими материалами и перспективами развития ведущих отраслей народного хозяйства, все же он определяет структуру народного хозяйства и динамику развития отдельных отраслей на основе этой математической формулы. Следовательно, как ни искать научного синтеза, — не найти. От излишнего увлечения математическими схемами надо отказаться и заострить внимание на основных проблемах и показать, какими последовательными путями происходит перестройка старых производственных отношений и совершается переход к новым, социалистическим отношениям.

П. В. ИОФФЕ. В настоящей стадии обсуждения вопроса о генплане важно:

- 1) установить систему основных экономических показателей, которые охарактеризовали бы с количественной и качественной стороны развитие советского хозяйства, и
- 2) обосновать некоторые важнейшие исходные положения, которые дали бы нам возможность судить о направлении и темпах изменения этих основных показателей. Освещены ли в докладе тов. Ковалевского эти два основных момента?

Сначала рассмотрим систему показателей. В первой части доклада изложена эта система и указан целый ряд методологических моментов. Надо сказать, что это все сделано с недостаточной полнотой. Правда, есть ссылка на работу Г. Фельдмана, но здесь же указывается на наличие ряда ошибок и дефектов этой работы. В чем же эти ошибки заключаются и какие из многочисленных формул Г. Фельдмана приняты и что отвергнуто комиссией — остается неясным. Далее в докладе утверждается, что рабочая гипотеза генплана построена, исходя из конкретизированной схемы расширенного воспроизводства Маркса. Попытку применить схему расширенного воспроизводства к построению генерального плана надо приветствовать. Однако в докладе теоретическая часть не увязана с цифровой: в докладе не приведены соответствующие таблицы конкретных расчетов, по которым можно было бы судить, правильно ли эта схема применена к советской действительности и правильно ли произведена подстановка конкретных арифметических величин вместо алгебраических обозначений схем. Несомненно, что при этой постановке необходимо было бы внести соответствующие дополнения и изменения в схемы Маркса в связи с отличиями советских условий от капиталистических и в связи с конкретизацией абстрактных положений.

Следует особо подчеркнуть неувязанность теоретической части доклада с цифровой. В начале доклада фигурирует целый ряд показателей и формул, а в дальнейшем изложении мы имеем дело с многочисленными вариантами и комбинациями только двух коэффициентов, которые докладчик считает решающими из всех показателей. Это коэффициент «эффективности» и коэффициент так называемой «напряженности». Динамика этих показателей исчислена с точностью до 0,1%. Однако, совершенно недостаточно освещена взаимная обусловленность темпов движения обоих коэффициентов, которые намечаются в том или другом варианте. Мне кажется, что было бы целесообразнее, если бы тов. Ковалевский остановился только на одном отправном варианте и изложил бы возможно более подробно всю схему расчетов для этого варианта, а относительно прочих семи вариантов дал бы некоторые краткие указания. От этого доклад намного бы выиграл.

После этих общих замечаний позвольте остановиться на отдельных показателях. Прежде всего рассмотрим показатель производительности труда. Существенным недостатком в системе показателей тов. Ковалевского и тов. Фельдмана является то обстоятельство, что производительность труда не включена в предлагаемую ими схему, как самостоятельный фактор. В начале доклада тов. Ковалевский очень веско говорит о том, что «решающим фактором производительной мощи страны является производительность труда» (стр. 10). Однако в напечатанной части доклада нет даже попытки построить кривую производительности труда — этого действительно самого решающего из всех решающих факторов. Правда, тов. Ковалевский в своем устном докладе дал некоторые расчеты о движении производительности труда по генплану. Однако как раз эти дополнительные расчеты ярко свидетельствуют о том, что производительность труда рассматривается в схеме тов. Ковалевского, как производная величина, которая определяется, исходя из данной суммы народного дохода. Между тем как-будто должно быть обратное, потому что производительность труда есть один из элементов, которые определяют народный доход, а не наоборот. Я полагаю, что

¹ См. «Общие предпосылки к генеральному плану реконструкции народного хозяйства». Изд. «Плановое хозяйство».

рабочая гипотеза генплана не может считаться обоснованной, если не сделана попытка установить кривую производительности труда.

На прошлом заседании здесь правильно указывали, что при построении этой кривой следует исходить не из общих средних величин, а из конкретного развития производительности труда в отдельных отраслях народного хозяйства. Надо еще добавить, что при построении генплана необходимо различать динамику производительности труда и динамику производительной силы труда. Когда мы имеем дело с небольшим промежутком времени, то движение производительности труда, примерно, совпадает с движением производительной силы труда. Когда же мы берем такой длительный период, как период генплана, и строим кривую производительной силы общественного труда, то здесь нужно иметь в виду следующее. За период генерального плана квалификация и вероятно интенсивность труда возрастут. Поэтому при построении этой кривой нужно сделать поправку на качественные и количественные изменения единицы рабочего времени, иначе мы можем просчитаться. Положим, например, что квалификация увеличивается за 15 лет в два раза, и если не учесть этого момента, то тем самым мы увеличиваем рост производительной силы труда, примерно, в два раза.

Далее. При учете движения производительной силы труда по генплану нужно попытаться учесть затраты труда во всех стадиях производства, а не ограничиваться обычным расчетом, когда исходит из производительности живого труда на данной стадии производства. На этот момент указывал еще, хотя в несколько иной плоскости, В. А. Базаров в одной из своих работ. И эту поправку нужно будет попытаться сделать, так как органический состав «капитала» за период генплана во многих производствах изменится чрезвычайно резко.

Заканчивая замечания о построении кривых производительности труда и производительной силы труда в рабочей гипотезе генплана, необходимо подчеркнуть, что метод ценового учета, применяемый тов. Ковалевским, может повести здесь к большим просчетам вследствие значительных сдвигов в составе общественного продукта. В особенности велики могут быть просчеты по группам отраслей промышленности «А» и «Б» и по отдельным отраслям сложного состава (напр., по химической или пищевой). Здесь необходимо применить не ценовой, а индексный метод учета производительности труда.

На ряду с показателями производительности труда в рабочей гипотезе необходимо осветить следующие основные моменты: 1) изменение социальных отношений, 2) рост трудовых ресурсов в стране и 3) порядок использования этих ресурсов (количество мобилизованного труда). Все эти моменты слабо или вовсе не освещены в предлагаемой гипотезе. А между тем, только ознакомившись с расчетами по росту производительности труда и росту трудовых ресурсов, мы можем сказать, правильно ли исчислен у тов. Ковалевского народный доход.

Несколько слов о других показателях тов. Ковалевского — о так наз. коэффициенте «эффективности» и «напряженности». Не касаясь вопроса о правильности терминологии, я обращаю внимание на существо указанных показателей. Некоторые из выступавших здесь товарищей указывали, что в натуральном (объемном) выражении данные показатели не имеют никакого смысла. Однако с этим согласиться нельзя. Возьмем, например, коэффициент «эффективности». В неизменных ценах динамика этого показателя отразит движение «эффективности» единицы натурального (физического) объема имеющихся в наличии фондов, «эффективности», выраженной также в натуре. Иначе говоря, мы получим кривую, которая покажет, как изменяется величина, выражающая сколько на каждую натуральную единицу фондов приходится натуральных единиц вновь созданного продукта. Мы имеем полное основание как с экономической, так и со статистической точки зрения изучать соотношение двух разнородных объемных масс: физического объема фондов («капитала») и физического объема продукции, созданной при помощи этих фондов. Такой показатель является суррогатом технического показателя, выражающего соотношение, напр., между количеством машин и сооружений и массой изделий, которые на этих машинах вырабатываются. Этот показатель, несомненно, имеет известный экономический смысл и может быть с успехом использован при построении рабочей гипотезы генплана. Поэтому я полагаю, что тов. Ковалевский с полным основанием применяет этот показатель.

Некоторые из выступавших товарищей считают, что коэффициент «эффективности» и в стоимостном выражении также никуда не годится. Такое утверждение неправильно. Коэффициент «эффективности» в стоимостном выражении показывает, как изменяется соотношение между живым и мертвым трудом в общественном производстве. А это соотношение, которое служило исходным пунктом многих построений Маркса, несомненно, является одним из важнейших моментов и при разработке рабочей гипотезы генплана.

Однако совершенно недостаточно, характеризуя дееспособность наших фондов, ограничиваться только одним указанным показателем «эффективности». Тов. Ковалевский видит достоинство этого коэффициента в том, что это «синтетический показатель результатов народнохозяйственных усилий» (стр. 12-я). Но указанное достоинство

превращается в данном случае в недостаток. Совершенно недостаточно, обосновывая рабочую гипотезу, ограничиваться таким общим показателем. Тов. Ковалевскому следовало бы выделить из общей суммы фондов постоянно действующий «капитал», или хотя бы основные действующие фонды. Основные фонды играют ведущую роль в общественном производстве, т. к. они являются непосредственным орудием борьбы человека с природой. Чрезвычайно важно поэтому выяснить, как меняется «эффективность» постоянного «капитала», а, в частности, и в особенности, основных действующих фондов. (См. об этом М. и П. Иоффе «К методологии исчисления численности рабочей силы в перспективных планах», «Вопросы труда», № 3—4 за 1929 г.). В частности, изучая динамику коэффициента «эффективности», необходимо из общей суммы фондов выделить потребительские фонды и в первую очередь жилищный фонд и фонд социальных городов. Тов. Ковалевский прав, когда говорит, что все фонды страны в своей совокупности являются оружием борьбы с природой. Однако это общее положение, а для практических расчетов важно выделить то оружие, с которым идут непосредственно в бой. Таким оружием в первую очередь является основной действующий «капитал», а не жилища. (Ковалевский: Это от старого мира). Ведущую роль играют действующие производственно-материальные фонды, а потребительские фонды в известной мере определяются этими последними. Включение жилищных и т. п. фондов, вследствие изменения удельного веса их в общей сумме фондов, затупляет движение «эффективности» действующих основных фондов страны и делает мало показательным сравнение с соответствующими данными буржуазных стран, а вместе с тем, может преуменьшить действительные наши возможности, т. к. удельный вес потребительских фондов в советских условиях будет быстро расти и возможно будет все более превышать нормы буржуазных стран. Отметим, что тов. Фельдман в своих расчетах не включает жилищный фонд в общую сумму фондов страны — и это более правильно.

Чтобы более четко выявить все возможности советского хозяйства, необходимо расчленить коэффициент «эффективности» и с другой стороны. Следовало бы выделить «эффективность», которая получается в результате так наз. экстенсивной нагрузки фондов, т. е. в результате более или менее продолжительного их использования в течение года (непрерывка, сменность, сокращение рабочего дня и пр.), и «эффективность», получаемую от интенсивной нагрузки фондов, т. е. от степени нагрузки их в процессе самой работы. Говоря о значении коэффициента «эффективности», тов. Ковалевский особенно подчеркивает, что этот показатель выражает «отношение совокупного годового продукта труда к его совокупному вооружению» (стр. 10-я). Однако в виду смешения моментов экстенсивной и интенсивной нагрузки показатель «эффективности» не даст представления о действительной вооруженности труда в процессе работы, что может спутать все расчеты и дать неправильную установку при построении кривой производительности труда. Это обстоятельство следует особо подчеркнуть, т. к. коэффициент «эффективности», являющийся переходным от чисто экономических к технико-экономическим показателям, необходимо будет увязать и сопоставить с техническими показателями реконструкции народного хозяйства. А такая увязка требует обязательного выделения экстенсивных моментов нагрузки фондов.

За недостатком времени я не могу останавливаться более подробно на системе показателей тов. Ковалевского. Однако и приведенные примеры свидетельствуют, что в этой области придется много поработать прежде, чем получить законченную систему показателей. Замечу только еще, что при дальнейшей разработке системы показателей по генплану необходимо особое внимание обратить на их классовую дифференциацию. Совершенно недостаточно оперировать только коэффициентом «напряженности» (и родственными ему показателями) вообще, т. е. для всего народного хозяйства в целом, и средними нормами народного дохода на душу. Необходимо выявить эту «напряженность» и душевое потребление в первую очередь для пролетариата, затем для беднейшего и среднего крестьянства и т. д. Особенно это важно при сравнении с соответствующими показателями буржуазных стран.

Теперь рассмотрим, как разрешена тов. Ковалевским вторая задача — обосновать важнейшие исходные положения, которые дали бы нам возможность судить о темпе и направлении изменения основных показателей генплана. Возьмем, например, коэффициент так наз. «эффективности». Сам тов. Ковалевский совершенно правильно отмечает, что на движении этого показателя в капиталистическом хозяйстве сказываются те же причины, которые обуславливают повышение органического состава капитала и тенденцию нормы прибыли к понижению (стр. 13-я). При построении кривой коэффициента «эффективности» центральный вопрос — действует ли закон тенденции нормы прибыли к понижению в СССР и в каких пределах? Тов. Ковалевский в нескольких местах своего доклада касается этого вопроса, но чрезвычайно бегло и без достаточного анализа. Совершенно не рассмотрена проблема — как меняется закон тенденции нормы прибыли к понижению при переходе от стоимостных соотношений к объемным соотношениям. А между тем все эти проблемы еще не получили своего окончательного разрешения в марксистской литературе. Таким образом, и в

области теоретического обоснования исходных положений рабочей гипотезы предстоит еще впереди громадная работа.

Несмотря на все указанные недочеты, следует признать, что доклад тов. Ковалевского характеризует собой определенный этап разработки генплана и с этой точки зрения представляет большую ценность.

Л. А. МЕНДЕЛЬСОН. Товарищи, мне кажется, что основной дефект, который имеется в докладе тов. Ковалевского, заключается в том, что давно известный тезис «социализм — это учет» не совсем правильно здесь понимается. Учет у нас понимается часто довольно грубо, как чисто количественные исчисления. Мне кажется, что такая трактовка этого тезиса несколько механистична и особенно вредна, когда идет речь о проработке генплана в первой стадии, когда нужно, прежде всего, учесть те качественные изменения, которые имеются в нашей экономике, и проанализировать на этой основе ряд проблем, чтобы получить основу для количественных исчислений. Совершенно понятно, что когда речь идет об учете качественных сдвигов, то это в первую голову учет главнейших социальных изменений, которые должен принести план и учет тех социалистических преимуществ, которые дает наша система.

Заслуга тов. Ковалевского заключается в том, что он попытался несколько отойти от тех методов, которые носят название экстраполяции, балансовых приближений, экспертных оценок и т. п. и которые по существу трудно вообще назвать научными методами. Он попытался дать, как он говорит, систему показателей, которая разрешила бы проблему баланса. Нужно сказать, что отмахиваться от этой проблемы баланса нельзя. Я думаю, что тов. Шахновская несколько недооценивает эту попытку, но в то же время нужно подчеркнуть, что это — сложнейшая проблема, которая стоит перед нашими планирующими органами; полагать, что эту проблему можно разрешить несколькими формулами в течение очень короткого срока — это, по моему мнению, по меньшей мере наивно, а с точки зрения научной — не совсем серьезно.

Как ставит вопрос тов. Ковалевский? Он говорит, что нужно дать систему показателей, дать такой вариант, в котором было бы железное единство отдельных элементов между собой. Я думаю, что это требование железного единства не совсем верно. Разрешить проблему баланса, конечно, нужно, но баланс этот нельзя предполагать как железное единство. Мне кажется, что говорить о железном единстве означает — в известной мере переносить некоторые понятия из области механики в область общественных отношений. Мне кажется, какой бы ни был идеальный баланс, все-таки у нас будет известная возможность варьирования, изменение отдельных элементов не будет вести к краху всей системы.

Тов. Ковалевский считает, что проблему баланса он в общем разрешил. Во всяком случае так считает автор того «аналитического» метода построения генплана, на работы которого тов. Ковалевский опирается. Этот автор указывает, что «аналитический» метод может с исчерпывающей полнотой раскрыть весь процесс нашего материального развития в абстрактной форме и дать ясное логическое обоснование всего нашего плана, рассчитанного на многие годы, выполнение которого обойдется в миллиарды рублей». Как видите, автор излишней скромностью не обладает. Он говорит, что было бы нецелесообразно пренебрегать этим методом, когда при таком масштабе хозяйственных проектов каждая теоретическая ошибка может обойтись сотни миллионов рублей. Последнее совершенно верно. Если бы автор был прав, что его метод дает такое разрешение всех проблем, то с нашей стороны было бы явным вредительством, если бы не учли того, что он предлагает, тем более, что его метод оказывается чрезвычайно простым и легким в применении. Он пишет, что для того, чтобы составить генплан, необходимо исчислить целую серию вариантов, изменяя лишь в пределах возможного коэффициенты использования производственных фондов и долю накопления в народном доходе. Каждый вариант требует не свыше одного-двух дней труда квалифицированного статистика («План. хоз.» № 12 за 1929 г., стр. 120).

Сейчас, товарищи, когда Госплан слился с ЦСУ, я полагаю, что один Госплан может по этому рецепту выбросить в течение пары месяцев на рынок не менее 20 тыс. вариантов. Это огромное «достижение» планирующей мысли. Но больше того, оказывается, что выбор вариантов облегчается и тем, что строить социализм можно применяя различную политику. Прошлый раз тов. Вайсберг упрекал тов. Ковалевского в том, что у него такой план, который явно противоречит нашей генеральной линии. Оказывается, что автор этого «аналитического» метода стоит на той же точке зрения. Он пишет, что «подсчитав, таким образом, целую серию вариантов возможного развития производственных сил и производства, можно было бы остановить свой выбор на одной из них, в зависимости от определенных политических предпосылок» («План. хоз.» № 12 за 1929 г., стр. 120).

Таким образом, совершенно различные политические предпосылки могут обеспечить разрешение той же самой задачи осуществления этого генплана, которая является планом построения социализма. Я, товарищи, не буду заниматься критикой

этого положения, оно говорит само за себя, но я перейду к рассмотрению того основного кита и того нового, что вносит эта схема.

Прежде всего я остановлюсь на понятии эффективности, которая по Ковалевскому является решающим показателем. Об этой эффективности тов. Ковалевский пишет, что она является в каждом отдельном моменте решающим показателем при выборе различных вариантов конкретной строительной программы. Если это решающий момент, который определяет всю строительную программу и если этим все определяется, то казалось бы, что наш докладчик должен был бы дать четкое и ясное определение содержания этого понятия. Однако, нужно сказать, что мы этого у докладчика не находим. Он говорит, что эффективность — это отношение всей чистой продукции страны, созданной в течение данного года, к народному богатству страны. Здесь берется отношение чистой продукции к народному богатству, но, расшифровывая дальше это понятие, он говорит, что это в то же время есть частное от деления массы живого труда, помноженной на ее производительность и деленной на фонды. Совпадает ли этот числитель (живой труд, помноженный на производительность) с понятием чистой продукции. Я думаю, что нет. Что такое производительность труда и чем она измеряется? В области экономики сейчас очень много новых веяний. Если следовать Марксу, то он учил тому, что производительность труда измеряется массой продукции и единичной времени. Спрашивается, во-первых, как можно помножать массу потребительских ценностей на массу живого труда. Может быть, тов. Фельдман, вы откроете секрет того, как можно перемножать такие вещи и как можно это произведение затем делить на фонды.

Затем насчет понятия «фонды». Тов. Ковалевский считает чуть ли не буржуазным предрассудком, когда ему указывают на то, что в фонды следует по меньшей мере зачислять только средства производства, но, во всяком случае, из этих фондов должно быть вычтено то, что является средствами личного потребления, имеющими длительное значение. Нужно сказать, что эти средства, к которым мы относим такие вещи, как жилища, театры и школы и т. п., в условиях социалистического строя должны будут занимать в народном богатстве страны гораздо большее место, чем в условиях капиталистического строя. Это очень важное обстоятельство. Когда речь идет об эффективности капитальных вложений, то мы должны учесть, прежде всего, какова эффективность того производственного аппарата, с которым человек вступает в борьбу с природой. Спрашивается, можно ли здесь и нужно ли здесь проводить разграничение между средствами потребления длительного значения и средствами производства? Я думаю, что несомненно нужно.

Я попытался поставить вопрос далее в такой плоскости: а может быть тут имеются какие-то дефекты, которые можно исправить и сделать схемы пригодными для использования? Я думаю, что если бы тов. Ковалевский взял в числителе своей формулы вместо производительности индекс производительности, то мы получили бы нечто вроде физического объема чистой продукции, мы получили бы нечто среднее между учетом благ в их потребительской и ценностной формах. «Фонды» не надо ограничивать средствами производства. Но спрашивается, что нам дает такая исправленная формула. Мы получим некоторые выводы иного порядка, чем те, о которых здесь говорил тов. Ковалевский. Прежде всего не имеем закона неизбежного роста эффективности. Я не согласен бы с теми товарищами, которые говорят, что эффективность при всяких условиях должна падать. На известном этапе времени, в известных условиях, возможен природный рост эффективности, но закона такого, что такой рост обязателен всегда, вывести нельзя, потому что наряду с факторами, которые содействуют этому росту, факторами такого порядка, как непрерывка, уничтожение той огромной недогрузки, которую имеют капиталистические страны, 3 смены и т. п., мы имеем и факторы обратного порядка, также вытекающие из нашей системы.

Мы не можем пойти по линии той огромной интенсификации труда, которая имеется в странах капитализма. Это означает рост массы живого труда. С другой стороны, мы можем в наших условиях пойти и должны пойти на значительно более широкое применение машин, чем это имеется в странах капитализма. Это опять-таки вытекает из нашей системы, а это означает, что у нас может быть и более быстрый рост производительности труда, и здесь вследствие этого будет расти «С» за счет массы сырья. В общем, если взять конечные выводы, которые можно извлечь при самом тщательном анализе этого коэффициента эффективности, то мы найдем в этой формуле некоторое зерно истины. Оно заключается в том, что если мы будем изменять основной капитал, который обеспечивает большой рост производительности труда, то мы будем идти большими темпами, — но это настолько тривиально, что сказать, что эта формула решает все и вся в генеральном плане, — нельзя.

Насчет формулы «напряженности». Опять-таки эта формула не так абсолютна, как это кажется Ковалевскому. Ведь нужно увязать эту напряженность с производительностью труда, а ведь совершенно ясно, что известная степень напряженности означает замедление роста жизненного уровня, которое может снизить производительность труда. Во всяком случае, если от этого отвлечься, то и здесь в основном лежит несколько весьма известных вещей, которые, конечно, нужно использовать. Кое-какие

элементы этих формул могут нам сослужить пользу при окончательных подсчетах плана, но нельзя их сделать исходными и решающими при построении плана.

Я хотел сказать о тех конкретных проблемах, на которые надо обратить внимание именно сейчас, когда мы начинаем работать над генеральным планом. Например, конкретно, когда мы говорим о генеральном плане, то проблема догнать и перегнать стоит совершенно иначе, чем, когда мы говорим об этом в пятилетнем плане. В последнем мы можем еще говорить о перенесении капиталистической техники. Но и здесь, например, в области сельского хозяйства, мы идем дальше этого. А в генеральном плане это будет явлением всеобщим и по отношению к промышленности. Поэтому перед нами стоит важная проблема проанализировать капиталистическую технику с тем, чтобы признать, что в этой технике идет от капитализма, от капиталистических производственных отношений и что мы должны от нее взять, чему мы должны и чему мы не должны учиться у капитализма в области техники. Этот вопрос до сих пор не поставлен, потому что, если в области производственных отношений мы обычно говорили, что в капитализме так, а у нас наоборот, то в области техники мы ставили вопрос только в плоскости подражания капитализму.

Проблема комбинирования, проблема создания единого энергетического центра, единой транспортной системы, проблема широчайшего внедрения непрерывного потока в производство, все те проблемы, которые капитализм не может целиком разрешить, мы должны и можем разрешить. Понятно, что из капиталистической техники следует выудить, взять все то, что нам полезно. То же самое о реконструкции промышленности. Тов. Ковалевский делает здесь интересные сопоставления, соотношения между «А» и «Б» в разных странах. Но ясно, что подразделение второе в наших условиях должно иметь большие возможности для развития, чем при капитализме, потому что мы строим промышленность на основе быстрого повышения жизненного уровня масс. Но, с другой стороны, имеются факторы, противодействующие, ибо мы быстрее повышаем производительность труда и быстрее будем механизировать производство, и здесь трудно сразу сделать определенные выводы. Здесь заключена чрезвычайно важная проблема.

Или возьмите вы проблему ликвидации отсталости отдельных районов. Эта проблема связана с проблемой ликвидации противоположности между городом и деревней. Тов. Ковалевский, как руководитель районного сектора, должен был бы поставить эту проблему, имеющую глубокое значение, разрешение которой является предварительным условием к проработке числового варианта. Тов. Ковалевский начал прежде всего строить количественный числовой вариант. Тот факт, что цифры, которые дал т. Ковалевский, популяризированы в нашей печати, достоин величайшего сожаления, ибо нельзя публиковать необоснованные данные, связывая это с планом Госплана. На данной стадии не следует гоняться за сенсационными цифрами, а необходимо поставить целый ряд теоретических проблем. На основе тщательного изучения конкретной действительности, изучения нового этапа в экономике, изучения сдвигов в капиталистических странах, только после этого — через год, — заняться конкретным числовым вариантом.

С. РОЗЕНТУЛ. Мне кажется, что т. Ковалевский сделал одну тактическую ошибку, сконцентрировав свое внимание на анализе отдельных вариантов плана. Вместе с этим, он заставил аудиторию забыть о том, что тот оптимальный вариант, который он приводит здесь, не является тем генеральным планом, с которым можно выступить перед рабочим классом, не является тем генеральным планом, от которого можно требовать строгого обоснования как в социальном разрезе, так и с точки зрения технико-экономической. На самом деле этот вариант является только преддверием, теми лесами, которые необходимы для того, чтобы построить тот генплан, к которому мы сможем предъявить эти строгие требования. Мне кажется, что тов. Ковалевский из тех двух часов, которые находились в его распоряжении, должен был хотя бы полчаса уделить тому, чтобы выяснить, какова будет методика построения дальнейшей работы тогда, когда мы будем подводить под генплан тот технико-экономический базис, который необходим, и какова будет методологическая связь между следующим этапом работы и этой рабочей гипотезой. Он этого не дал. (Ковалевский. Этому было посвящено целых два вечера. Забыли, может быть).

В той статье, которую я дал несколько месяцев тому назад т. Ковалевскому и другим товарищам, я подробно останавливался на этом вопросе. Мне кажется, что после того, как мы получим настоящий генплан, то, естественно, все такие количественные сводные показатели, как фонды и народный доход, а также та динамика отдельных норм, которая положена в основу исчислений этих сводных количественных показателей, будут отличаться от первоначальных предположений, от того, что мы видим здесь на этих диаграммах, и в этом ничего плохого нет. (Ковалевский. Так и должно быть).

Я представляю себе дальнейшую работу по генплану следующим образом. Допустим, что мы приблизительно наметили, что народный доход и фонды к определенному моменту увеличиваются в «n» раз, — тогда и наступит самая главная ста-

дия работы, та стадия работы, которая сейчас только намечена. В эту стадию работы необходимо решить одну весьма трудную проблему, а именно: нахождение структуры потребления при данном уровне народного дохода не только через 15 лет, а за все годы генплана. Конечно, при решении этой проблемы необходимо принять уже во внимание и те социальные сдвиги, которые произойдут в период генплана. Эта работа непосильна одному т. Ковалевскому, в ней должны принять участие Институт экономических исследований и весь коллектив Госплана. Допустим, что мы задаемся, что народный доход повышается в «n» раз. Спрашивается: во сколько раз увеличатся размеры чистой продукции по отдельным отраслям: металлургической, текстильной и т. д. Если, скажем, при увеличении народного дохода в «n» раз продукция, и текстильной промышленности увеличится в «n_i» раз, тогда мы строим определенный план развертывания производства текстильной промышленности в «n_i» раз, основанный уже на строгом инженерном расчете. План этот должен быть проработан в районном разрезе и в нем должны быть только учтены: рост производительности труда, потребность в сырье и т. д. Имея такой план, мы можем уже легко вычислить общую сумму капитальных вложений, требуемых для обеспечения запроецированной продукции, и вместе с тем получаем и динамику фондов текстильной промышленности за период генплана. То же самое мы делаем в отношении всех других отраслей и тогда, идя от чистой продукции к фондам, мы вычисляем по всем отраслям средне-взвешенные нормы и получаем новые фонды народного хозяйства. Эти фонды будут значительно разниться от того, что мы имеем здесь на этих диаграммах. Допустим, что мы получим, что эти фонды будут в два раза больше тех фондов, которые здесь запроецированы, тогда для того, чтобы устранить эту неувязку, мы можем идти двумя методами: либо мы можем уменьшить величину запроецированного на диаграмме априорно народного дохода, либо можем увеличить норму накопления. Каким бы методом мы ни шли, мы получим новый вариант, где имеется другая динамика норм накопления и «эффективности».

Снова начертив кривые, отображающие эту динамику, и получив в результате новые величины для народного дохода и для уровня благосостояния, мы определяем вновь структуру потребления уже при намеченных новых величинах народного дохода и получаем новый вариант. Таким образом, идя от индуктивного метода к дедуктивному и, наоборот, от дедуктивного к индуктивному, мы постепенно приближаемся к составлению генерального плана.

Из всего сказанного следует, что основная методологическая принципиальная разница заключается не между иллюстративными вариантами, которые здесь даны на диаграммах, а между теми вариантами, которые мы имеем в рабочей гипотезе, и теми, которые будем иметь в дальнейших стадиях работ при составлении генплана.

Мне хотелось бы остановиться здесь на одном показателе, который здесь был указан, а именно: на так называемом показателе эффективности процессов расширенного воспроизводства, представляющем, по определению т. Ковалевского, отношение между народным доходом и фондами. Я считаю, что это соотношение неправильно названо т. Ковалевским эффективностью процессов расширенного воспроизводства, так как эффективность проявляется в росте производительности труда, которая в этот показатель в явной форме не входит.

Что, в самом деле, представляет собой народный доход в неизменных ценах. Народный доход в неизменных ценах представляет собой динамику продукции, исчисляемой при неизменном уровне производительности труда. (Ковалевский. Как он вырос?). Действительно, мы народный доход исчисляем в единицах трудовой стоимости. Допустим, что наш народный доход составляет 50 млн. человеко-лет. Допустим далее, что в течение генплана мы увеличим этот народный доход в 20 раз. Это значит, что если бы мы хотели эту продукцию получить при неизменном уровне производительности труда, то для этого нужно было бы израсходовать 1 млрд. человеко-лет. Если мы скажем, что мы этот народный доход получим не в течение 1 млрд. человеко-лет, а в течение тех же 50 млрд., то стоимость народного дохода в ценах соответствующих лет будет в 20 раз меньше, чем в неизменных ценах. Во столько же раз выросла и производительность труда. Итак, рост производительности труда представляет собой соотношение между величиной народного дохода в неизменных и изменяющихся ценах. (Эвентов. Значит вы не согласны с Марксом и даете новое определение производительности труда?). Я говорю не о самой производительности труда, а о росте ее. Пусть производство 1 т чугуна стоит 100 руб., или 100 человеко-часов. Представьте себе, что через год мы производительность труда увеличим в 2 раза. Представьте себе, что через год мы производительность труда увеличим в 2 раза, тогда эту 1 т чугуна можно будет производить в течение 50 человеко-часов. Когда производительность труда возрастает, производственная стоимость продукции соответственно уменьшается. Если 1 т чугуна буду производить в 2 раза скорее и израсходу на это в 2 раза меньше времени, то и цена на нее уменьшится в 2 раза. (Ковалевский. Вы не берете во внимание разницу между ценой и ценностью). Вы тоже не берете во внимание отклонение цены от ценности. Таким образом, получается то-

положение, на которое я указал. (Ковалевский: Я пока оперирую неизменными ценами отпавного года).

Я хотел остановиться еще на одном моменте, затронутым здесь, а именно: на том, существуют ли такие соотношения между отдельными элементами плана, которые не зависят от социальной структуры. Об этом говорил т. Вайсберг. Между отдельными элементами народного хозяйства существует ряд зависимостей нормативного и балансового характера, которые совершенно не зависят от социальной структуры. Например, возьмем следующее уравнение: общее количество топлива, которое израсходовано на производство чугуна, равно общему количеству произведенного чугуна, умноженному на норму расхода топлива на 1 единицу чугуна. Это уравнение совершенно не зависит от социальной структуры, которая только косвенно влияет на норму расхода топлива. Если взять балансовое уравнение: производство = накоплению + потребление, то оно остается правильным при любой социальной структуре.

Вы видите, что нормативные и балансовые связи соединяют все элементы народного хозяйства. Если бы нормы сами по себе не изменялись, то мы могли бы легко определить, как это сделали проф. Громан, Подтатин и Никитский, каковы будут темпы развертывания народного хозяйства. Они, как известно, брали тенденции прошлых лет и распространяли их на следующие этапы развития. Этим самым они предположили, что величина норм не меняется; что, например, не меняется норма расхода топлива на единицу чугуна, не меняется вся структура производства и распределения. Здесь же предположено, что сводные нормы непрерывно меняются, что, конечно, обусловлено соответствующим изменением частных норм и социальных отношений. Допустим, что я хочу запроектировать, как будет меняться количество чугуна и топлива в период генплана. Это я могу сделать, как это было сделано в наших предыдущих планах, поручив двум отдельным работникам составить самостоятельные планы развертывания производства чугуна и топлива и потом путем постепенных приближений этих двух планов достигнуть такого положения, при котором технико-экономическая связь, существующая между этими планами, будет достигнута. Можно идти и другим путем. Заранее установив, что каждому количеству чугуна должно, при данной динамике нормы расхода топлива на единицу чугуна, соответствовать определенное количество топлива, поручить только одному работнику составить план развертывания производства чугуна, а план развертывания топлива получить уже статистически. Последний метод значительно упрощает работу и делает ее гораздо глубже.

Конечно, при наличии огромного клубка взаимных зависимостей между отдельными элементами народного хозяйства в их динамическом развитии, предварительный учет этих зависимостей и создание этих условий, при которых последние удовлетворяются уже автоматически в каждом варианте плана, несомненно подводят под наше планирование более прочное основание.

Л. Я. ЭВЕНТОВ. Товарищи, после большого количества ораторов и после того, как я сам выступал уже раньше по докладу тов. Ковалевского, я скажу только самое необходимое и кратко.

Я считаю, что при составлении генплана в первую очередь необходимо выяснить целый ряд основных предпосылок, без которых невозможно перспективное планирование на сколько-нибудь длительный срок. Ведь если устанавливается, что генплан ставит своей целью построение социалистического общества, то это значит, что мы должны построить такое общество, которое должно ослабить нашу зависимость от природы. Поэтому генплан должен указать нам, он должен включить в свое построение указание на те средства, какие обеспечивают нам ослабление нашей зависимости от природы, а также нашу общественную зависимость. До сих пор мы планировали в таких условиях, когда действовали определенные лимиты планирования. Какие это лимиты? Это — унаследованные производительные силы, их низкий уровень и отсталая структура, стихийные элементы народного хозяйства и капиталистическое окружение. Эти три лимита накладывали свой отпечаток на наши планы. Теперь, когда выступают с проектами генплана, нужно раньше всего указать, в какой мере ослаблены или преодолены эти лимиты. Это расчистит перед нами почву для разрешения вопроса о пределах нашей зависимости.

Мне кажется, что у тов. Ковалевского этот момент остался в пренебрежении. Он, повидимому, считает, что вообще в построении хозяйственного плана мы совершенно независимы, совершенно свободны. Таким образом, он игнорирует и не указывает нам, в какой мере преодолены те лимиты, которые были до сих пор, а, с другой стороны, не учитывает и того лимита, на который указывал еще и Маркс, лимита, который остается и при социализме.

Я приведу краткое извлечение из «Капитала», где Маркс указывает, что даже при социализме сохраняется зависимость от природы. Маркс писал: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону собственно материального производства... С развитием (цивилизированного

человека) расширяется это царство естественной необходимости, потому что его потребности расширяются; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализм, человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен вещами с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы, напротив, он как слепая сила господствовал над ними; в том, что они совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адекватных человеческой природе. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие» («Капитал», III, 2, стр. 357).

Маркс указывает, что при социализме имеются определенные ограничения, с которыми нужно считаться в нашем планировании. Тов. Ковалевский, к сожалению, всего этого не учел и в то же время, несмотря на то, что он чувствует себя как будто бы свободным в экономической сфере, все же он свои построения базирует на таких формулах, которые ставят перед ним железные границы и из которых он не может выйти. Он просто учитывает показатели, например, индекс эффективности и напряжения за предыдущие годы, делает производные прибавки и на основе их «строит». Ясно, что это лимитирует его построение. Тут получается полное противоречие: с одной стороны, он считает, что наше хозяйство совершенно свободно, он уверяет в том, что «стихия рынка кое-где еще плещет», а затем он обещает через 2-3 года ликвидировать «нэп», а через 3-4 года он дает нам социализм. Это все, казалось бы, он должен был обосновать. Вместо этого он выступает с формулой, считая, что «все приложится». Мы считаем, что в этих формулах он себя связывает, ибо его балансовые построения по существу исключают качественные сдвиги, не будучи количественно обоснованными.

Вторым моментом, на котором я хочу остановиться, является вопрос о применении схем воспроизводства Маркса у тов. Ковалевского. Я должен сказать, что при самом внимательном чтении я не обнаружил связи между схемами Маркса и его построениями. Если выкинуть те страницы, в которых он говорит о схемах воспроизводства у Маркса, то абсолютно ничего не изменится. Я должен сказать, что и схемы Маркса он толкует недостаточно четко. Я не могу подробно останавливаться на этом за недостатком времени. Укажу только на то, что у Ковалевского много фразеологии о расширенном воспроизводстве, о схемах расширенного воспроизводства Маркса, а по существу он все сводит к простому воспроизводству. Простое воспроизводство — только часть схем воспроизводства Маркса, отправной вариант его рассуждений об общественном равновесии. Ковалевский хочет опереться на марксовы схемы расширенного воспроизводства, но то, что он здесь говорит, — это есть схема простого воспроизводства. Если же он имеет в виду схемы расширенного воспроизводства, то он должен выявить содержание схем у Маркса и показать, какие пропорции Маркс предполагает в этих подразделениях. Ведь не только это соотношение $v' + m' = c^2$ существенно для Маркса. Схема расширенного воспроизводства имеет и более сложное содержание и пропорции (Голос: на 8-й странице это и есть). Ничего подобного. На 8-й странице приводится формула I и II раздела. Это схема простого воспроизводства, а не расширенного воспроизводства.

Схема расширенного воспроизводства предполагает более развернутую систему соотношений, в частности, разложение той части прибавочной стоимости, которая накапливается в определенной пропорции между v и m , причем в определенном соотношении в первом и во втором разделах. Это не раскрыто у тов. Ковалевского, но я думаю, что ему и не нужно было их раскрывать, потому что по существу все эти рассуждения органически не связаны с его дальнейшими рассуждениями. Между тем, обратившись к Марксу, Ковалевский должен был расшифровать формулы схем воспроизводства Маркса и указать их отличительные особенности, поскольку они являются выражением воспроизводства в капиталистическом обществе, выделить те моменты, которые сохраняют силу и для социалистического общества, и внести те добавочные факторы, добавочные элементы, которые вытекают из того, что мы должны применять схемы воспроизводства не в абстрактном виде, а при построении конкретного плана. Поэтому в балансах Ковалевского не вскрыто, в какой мере, например, обеспечивается пропорциональность и равновесие между отраслями средств производства и средств потребления (гр. I и II). Нужно показать и доказать, что вы не запроектировали перепроизводства или недопроизводства. (Ковалевский: Это необходимо и будет показано). Это несомненный дефект, что вы только назвали схемы Маркса, а не раскрыли их. Ваша же задача должна была заключаться в том, чтобы раскрыть их, выявить все закономерности соотношений между отраслями, показать в какой мере нужно внести добавочные моменты. Мы имеем дело с воспроизводством в социалистическом обществе, а не в капиталистическом.

Тов. Ковалевский оперирует в своих построениях такой категорией, как эффективность фондов или эффективность капиталов и напряженность. Мне прихо-

дилось уже указывать, что эти категории режут наш слух, в них чувствуется что-то от другой школы — не от марксистской, и нужно много усилий, чтобы абстрагироваться от субъективизма, который связан с этими положениями. Но это не только терминологический дефект, тут и экономическая ошибка. Мы видели в сегодняшних выступлениях некоторых товарищей, как они путали с категорией «эффективности». По существу та эффективность, которую оперирует Ковалевский, это — эффективность капитала, а, как можно, с точки зрения марксизма, говорить об эффективности капитала? Вот тут до меня выступали т. Розентул и еще один товарищ, и в основном их рассуждения об эффективности сводились к производительности капитала. Это не по-марксистски. (Струмилини: Он называл это эффективностью производственного процесса). Вся эффективность, проистекает ли она от того, что общественные формы изменяются, или от того, что техника изменяется, — все равно эта эффективность есть продукт производительности труда. Иных подходов не может быть, иначе вы неизбежно скатываетесь на какие-то другие рельсы. Вопрос о производительности труда является центральным вопросом, а на деле тов. Ковалевский его как раз смазал. Теперь, под влиянием критики, Ковалевский уже стал об этом говорить, но все еще продолжает смешивать эффективность с производительностью труда. (Ковалевский: Три смены — это производительность труда? Непрерывка — это производительность труда? Я говорю о производительности человека-часа труда).

И Маркс и Ленин указывали, что характерным показателем прогрессивности каждой общественной формации является только производительность труда, это — единственный показатель, и когда мы говорим о нашем социалистическом обществе, то в первую очередь мы при построении генерального плана должны думать о том, каким образом наша трудовая организация должна быть спланирована для того, чтобы производительность труда дала наибольший эффект.

Я думаю, что центральной идеей генерального плана должна быть идея обобществления труда. Мы строим генеральный план, т. е. мы намечаем новое общество, которое должно представлять собой дальнейший этап в развитии всего человеческого общества всех предыдущих формаций. Поэтому для понимания того, что мы должны вложить в содержание генерального плана, какие возможности у нас имеются, мы должны выявить, что представляла собой предыдущая формация к своей предшественнице, скажем, капиталистическая формация к феодализму. Этот переход обусловливается дееспособностью общественного труда, размерами и масштабами его обобществления. Это включает и социальный момент и материальный. Капиталистическая форма отношений в сравнении с предыдущей общественной формацией дает новую ступень в области обобществления труда, и новая формация — социалистическая — по отношению к капиталистической должна дать еще более гигантский сдвиг. Мы должны пронизать наш генеральный план этим моментом, мы должны наметить такие мероприятия, которые обеспечили бы новую высшую ступень в обобществленном труде. Это имел в виду Ленин, когда говорил, что народное хозяйство при социализме должно быть единой фабрикой. При капитализме обобществление труда выступает в антагонистической форме, но в социалистическом обществе этот момент отпадает. Поэтому в нашем генеральном плане мы должны предусмотреть такие условия, которые обеспечивают нам единство общественного труда и его обобществление. В этом залог исторического сдвига в области производительности труда. Только при этих условиях обеспечивается новая стадия в развитии человечества, и это должно быть главной идеей генерального плана.

И. КОЛДОБСКИЙ. Все выступавшие здесь целиком согласны с тов. Ковалевским, что задача разработки генплана стоит перед нами, как одна из самых неотложных. Действительно сама жизнь, самый ход выполнения пятилетки вплотную подвели нас к проблемам генплана. Что же мы имеем пока в области разработки проблем генплана? Очень немного, почти ничего. Кроме работ, посвященных разработке проблем развития некоторых отдельных районов (Урал, частично Сибирь и т. д.), из работ общего порядка мы имеем до сих пор только работы т.т. Ковалевского и Сабосовича. Естественно, что на данной стадии работы нас могут интересовать не числовые, количественные показатели — дело их разработать еще впереди, — а, прежде и раньше всего методология генплана. Найти правильные пути разработки плана, руководствуясь, как теперь говорят, «не генеральной линией», не арифметическим, а по-настоящему — генеральной линией — такова центральная задача момента.

С этой точки зрения наименее удовлетворительной, хотя и весьма интересной, является работа тов. Сабосовича. Работа тов. Ковалевского несколько отличается в этом смысле от работы тов. Сабосовича. Однако и она на мой взгляд совершенно неудовлетворительна. Один из выступавших здесь прошлый раз товарищей, кажется, тов. Петров, сказал, что тов. Ковалевский «стоит на правильном пути». С этим мы как раз согласиться не можем и, прежде всего, потому, что метод тов. Ковалевского есть метод чисто статистический. Впрочем этого не отрицает и сам автор. В основе всех построений тов. Ковалевского прежде всего лежит метод экстраполяции и комбинация с помощью этого метода показателей фондов чистой продукции и накопле-

ния. Тов. Ковалевский ищет автоматического показателя, по которому можно построить генплан. В его докладе мы читаем следующее: «Имея эти два показателя (т. е. показатели эффективности и напряженности) в их погодной динамике и имея исходный год, мы в основном уже можем считать данным самый темп развития страны при этом не только в количественном, но в основном в качественном отношении». Как видите, тов. Ковалевский статистической комбинацией двух показателей хочет предвосхитить не только количественные пропорции воспроизводственного процесса, предполагаемого генпланом, но и даже его качественное содержание. Такая «автоматизация» генплана конечно не может послужить методологической основой его построения и является чисто статистической схемой, с которой согласиться никак нельзя.

Статистический подход тов. Ковалевского мешает ему далее правильно применить марксову схему расширенного воспроизводства. Тов. Ковалевский совершенно правильно полагает, что возможность дальнейшего расширенного воспроизводства определяется распадом вновь созданной стоимости на потребляемую и накапливаемую части, и на первый взгляд его схема целиком опирается на марксово понимание расширенного воспроизводства. На самом же деле это не совсем так. Статистическая комбинация показателей чистой продукции и накопления упускает из виду основное, а именно техническую реконструкцию, которая должна лежать в основе схемы расширенного воспроизводства. Невежливо будто бы схему расширенного воспроизводства можно строить, экстраполируя темпы накопления. В зависимости от форм использования в каждом данном году данных накопленных средств изменяются и темпы накопления следующих лет. В действительности, если вы будете строить предприятия с низким органическим составом капитала, у вас будут одни темпы, а если с высоким — другие. Будете ли вы сооружать Волго-Дон или будете строить текстильные предприятия, у вас в зависимости от этого каждый раз будут различные темпы накопления. Просто экстраполировать темпы накопления — коэффициенты эффективности и напряженности — можно только, предполагая неизменную технику, неизменные пропорции элементов общественного производства. Но так как генплан это — прежде всего план великой социальной и технической реконструкции, то здесь применение этого метода экстраполяции чрезвычайно рискованно.

Здесь мы подходим к основному недостатку методологических построений тов. Ковалевского, именно отсутствие в докладе хотя бы основных наметок плана технической реконструкции. Если тов. Ковалевский взялся представить нам план масштабов продукции и порядок основных количественных показателей, характеризующих хозяйство советской республики через 8—10 или 15 лет, взялся представить нам, если хотите, известную модель будущего общества, он, прежде всего, должен был нам здесь изложить план технической реконструкции. Другое дело — можно ли эту задачу выполнить сейчас. Мы считаем, что сейчас на данной стадии работы дать такую законченную модель — бесплодная задача и к тому же ненужная. Вне плана технической реконструкции схема расширенного производства, которой так свободно манипулирует тов. Ковалевский, превращается в пустую схему, лишенную всякого содержания и совершенно необоснованную.

Итак с какого конца надо начинать компоновку генплана — со стороны ли построения, прежде всего, модели будущего общества, конструирования уровня будущего производства и потребления или надо избрать другой метод.

Как известно, наша советская плановая наука стоит на совершенно правильной и бесспорной точке зрения телеологического принципа построения планов. Эту точку зрения мы должны последовательно проводить и в отношении генплана, в содержании которого направляющая воля пролетариата, ломающего старое, скажется особенно резко. Но телеология еще отнюдь не означает того, что мы план должны сразу начинать строить, как готовую модель. Телеология, целеустремленность пролетариата здесь должны сказаться раньше всего в правильном выборе направления, в правильном выборе решающих звеньев социальной и технической реконструкции. Только после того, как этот принцип будет применен на ряде отраслей народного хозяйства, на важнейших объектах плана, можно будет построить более или менее законченный генплан. Только вульгарное понимание телеологического принципа нашей плановой науки может привести к такому взгляду, что план наш целиком авторитарен и может быть сразу сконструирован как готовая модель, — мол, увеличить производство через 10 лет втрое или четверо, расширить потребление втрое и т. д. — телеология не в этом.

Из сказанного уже ясно, что дать сейчас готовый план — это заведомо дать нереальный план, неподкрепленный никакой схемой расширенного воспроизводства, ибо последний может быть конструируема только на основе технической реконструкции. Поэтому не прав тов. Ковалевский, когда пишет в докладе, что «во всей работе планирования нам приходится идти методом последовательных приближений. Но для того, чтобы это движение было подчинено единой цели и не представляло собой движения вразброд, мы выдвинули идею предварительного оставления рабочей гипотезы генплана, которая должна дать основные установки и определить масштабы продук-

ции как народного хозяйства в целом, так и его отраслей». Такой подход к построению генплана нам кажется неверным; к тому же тов. Ковалевский этих обещанных им основных качественных установок не дал. Ориентировку в построении генплана должна дать не общая суммарная цифра продукции, не ее масштаб, а правильный выбор решающих звеньев реконструкции, определение ведущего начала, по которому должны равняться все отрасли народного хозяйства. Телеологический принцип планирования состоит не в том, чтобы все отрасли равнялись на уже готовый масштаб продукции, разработанный заранее каким-то планом, а в том, чтобы каждая отрасль исходила из заранее установленных принципов, из равнения на ведущее начало. Поэтому прежде, чем устанавливать общие масштабы продукции, следует уяснить себе разрешение каких задач является основным и решающим для данного отрезка времени и для данного плана. Напрасно бы мы стали искать у тов. Ковалевского этой организующей идеи всего плана. Ее нет. В этом самое слабое место представленного доклада. Он с этой точки зрения бессодержателен. В нем нет «души», нет качественной характеристики, а лишь одни цифры.

На значение технической реконструкции в генплане указал недавно тов. Крижановский. Он видел решающее звено в электрификации и видел именно потому, что в электрификации мы имеем не непосредственное развитие какой-то отрасли, а потому что он видел в ней основу новой соцтехники. Не случайно и Ленин говорил, что «советская власть плюс электрификация — это коммунизм». Электрификация потому является ведущим началом, что она эту новую социалистическую технику создает. Генплан, безусловно, надо строить, исходя из принципа разрешения ряда качественных задач социальной и технической реконструкции. Четкая постановка ряда качественных задач позволит нам проектировать порядок и направление разных производительных сил.

Если же определить главнейшие задачи технической реконструкции, то их нужно определить как создание ряда электрических баз, которые являются основой реконструкции всего народного хозяйства и создают новые формы организации труда.

Г. А. ФЕЛЬДМАН. Целый ряд оппонентов не понял полностью и целиком смысла, содержания и роли предложенного вниманию ИЭИ доклада, как не понял и моих работ, напечатанных в «Плановом хозяйстве».

Схемы Маркса не выражают исторических законов развития капиталистического общества и их не предопределяют. Свою историческую значимость они получают для условий капиталистического хозяйства лишь благодаря тем категориям, в которых эти схемы выражены, в трудах Маркса.

Схемы Маркса, если отвлечься от исторических категорий, применимы для всяких общественных формаций, представляя в самой отвлеченной форме процесс производства и обмена вне их исторической специфичности. Маркс выразил это весьма четко следующими словами: «Сведем, — говорит Маркс, — заработную плату к ее общей основе, т. е. к той части продукта собственного труда, которая входит в личное потребление рабочего; освободим эту долю от капиталистических ограничений и расширим размеры потребления до тех пределов, которые, с одной стороны, допускаются наличной производительной силой общества, которых, с другой стороны, требует полное развитие индивидуальности; сведем далее прибавочный труд и прибавочный продукт к тем размерам, которые при данных общественно-производственных условиях необходимы, с одной стороны, для непрерывного расширения воспроизводства согласно общественной потребности, присоединим, наконец, к необходимому и прибавочному труду то количество труда, которое работоспособные члены общества должны затратить в пользу неработоспособных его членов. Произведя эти операции, мы, действительно, устраним все специфически-капиталистические черты как в заработной плате, так и в прибавочной стоимости, как в необходимом, так и в прибавочном труде — и перед нами окажутся уже не эти формы, но лишь их ослепки, общие всем общественным способам производства»¹. (Разрядка наша. — Г. Ф.).

Всеобщая значимость схем Маркса подтверждена и замечанием В. И. Ленина на «Экономику переходного периода» Н. И. Бухарина.

Однако не только исторические категории, входящие в состав схем, придают им историческую определенность, но и самая их форма. Совершенно очевидно, что форма марксовых схем в условиях капиталистического хозяйства была соответствовать потребностям анализа рыночных отношений. При построении социалистического общества в капиталистическом окружении возникает потребность придать схемам такую форму, при которой можно было бы выявить связь между теми экономическими категориями, которыми определяется возможность осуществления основного условия нашего развития: «догнать и перегнать капиталистические страны в кратчайший срок». Этими категориями являются: 1) народный доход, 2) фонды, 3) потребление, 4) накопление, 5) эффективность использования фондов, 6) доля накопле-

ния в народном доходе, 7) численность занятых в производстве рабочих, 8) производительность труда. При помощи этих категорий, пользуясь схемами Маркса, можно определить темпы роста хозяйства в условиях планового социалистического строительства. При помощи этих категорий можно определить те условия, при которых можно обеспечить догон и перегон капиталистических стран в самой общей форме.

Приспособить схемы Маркса к условиям строительства социализма в капиталистическом окружении являлось той целью, которую мы себе ставили в наших работах.

Какую роль играют эти схемы при анализе законов развития любого общества, основанного на человеческом труде? Роль эту я иллюстрирую на следующем примере: законы физики, механики, статики, сопротивления материалов обладают для нашей планеты и в пределах обозримой исторической перспективы всеобщим значением, однако эти законы ни в какой мере не определяют тех законов, которыми определяется творчество страдающего периодическими запоями неграмотного архитектора. Отстраиваемые им дома не являются лишь постройкой, поскольку он не выходит в своем творчестве за пределы, допускаемые законами физики. И только.

Однако дать научный анализ «строительства» такого архитектора может только человек, вооруженный всей полнотой современного знания.

Если ученый архитектор станет строить дом, то, разумеется, он использует при этом всю полноту своих знаний.

Значит ли это, что его познания в области физики предопределяют архитектурные формы дома. Конечно, нет, эти формы определяются законами развития архитектурных форм в данную историческую эпоху. Применение законов физики лишь обеспечит грамотность, правильность плана с точки зрения метода построения плана, крепости дома и экономичности его сооружения при прочих равных условиях.

Схемы играют роль этих общих (в пределах определенной исторической эпохи) «законов природы», которые каждый социальный инженер должен применять, чтобы грамотно, сознательно, экономно и надежно строить план развития народного хозяйства.

Вытекающие из этих схем законы мы называем «законами природы» в том же смысле, как это делает Маркс в своем письме к Кугельману 11/VII 1868 г. «...Известно всем, пишет Маркс, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства; измениться может лишь форма ее проявления. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться в зависимости от различных исторических условий может лишь форма, в которой эти законы проявляются». (Разрядка наша. — Г. Ф.).

Является ли искание таких всеобщих законов развития народного хозяйства (приравняемых в силу их всеобщности к законам природы), действительных для всяких общественных формаций, досужей фантазией или в этом отношении можно опереться на достаточно солидные авторитеты. Я уже раньше говорил о точке зрения Ленина на схемы Маркса. Сам Маркс, как нами приведено выше, достаточно ясно указывает, какое содержание остается в его схемах, если их применять как схемы, значимые для всех общественных формаций. И Энгельс в «Анти-Дюринге» говорит о тех «немногих, имеющих применение к производству и обмену, вполне всеобщих законах», которые должны быть положены в основу «политической экономии в широком смысле этого слова», «науки о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческих обществах»¹.

Конечно, всякие абстрактные схемы являются продуктом исторических условий «и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их, несмотря на то, что благодаря их отвлеченности они применимы ко всем эпохам».

Поэтому представляет исключительный интерес, на что обращает внимание Владимир Ильич в схемах Маркса, когда обдумывает вопросы теоретической экономии в коммунистическом обществе.

А вот на что: на отношение $v_1 + m_1$ к C_2 и на накопление. Заметьте, отношение $v_1 + m_1$ к $C_2 \sim v_1 + m_1$ — вновь созданной ценности I раздела.

В натуре $v_1 + m_1$ состоит из средств и орудий производства. Часть из них, равная C_2 , поступает во второй раздел и непосредственно или опосредствованно (возвращая истраченные в производстве средства и орудия производства) в пределах данного производственного периода входит в состав произведенных средств потребления. Другая часть $v_1 + m_1 - C_2$ целиком поступит в натуре в состав производственных фондов, увеличивая их на эту конкретную величину. Это — производственное накопление средств и орудий производства. И эту мысль Владимир Ильич подчеркивает следующим вопросом:

¹ Маркс, «Капитал», т. III, ч. II, стр. 215, изд. 1923 г.

¹ «Анти-Дюринг», 1922 г., стр. 95

«Накопление»? На накоплении прежде всего, вот на чем фиксирует свое внимание Владимир Ильич, когда он мыслит о теоретической экономии в условиях коммунистического общества. И в этом нет ничего удивительного, ибо всякий марксист понимает вопреки т. Кону, что расширенное воспроизводство осуществимо лишь при соответствующем накоплении.

Тов. Кон говорил на первом докладе т. Ковалевского в ИЭИ, что размер чистой продукции не зависит от размера производственных фондов. И я заметил ему, что это идеалистическая точка зрения.

Для его сведения — чистая продукция *in natura* не только абстрактная экономическая категория, не только кристаллизованный труд и результат технологического процесса. Этого не понимают ни Кон, ни те товарищи, которые неоднократно вопрошали недоуменно, что же собой представляет *in natura* вновь созданная ценность.

Это непонимание проистекает из своеобразной фетишизации потребительной ценности. Для вас, тов. Кон, этот стакан представляет лишь орудие для удовлетворения вашей жажды. Для меня он представляет, кроме того, не только ценность, но и результат последовательно приложенных усилий человека в процессе добычи сырья, превращая его в полуфабрикаты, и превращение этих полуфабрикатов в конечный продукт — в стакан.

На каждой стадии производства результатом нового, живого труда является изменение, деформация, сочетание того сырья, тех полуфабрикатов, которые поступают в производство. Стакан — это совокупность этих последовательных деформаций и сочетаний сырья и полуфабрикатов.

Когда мы говорим о чистой продукции *in natura* какого-нибудь металлургического завода, исчисляя все производство в тоннах чугуна, то это имеет лишь в том случае смысл и значение, когда вы конкретно знаете, какие операции с сырьем производились на этом заводе. Сказать просто — производство завода равно столько-то тоннам чугуна, не определив точно, что охватывается производством предприятия, значит ничего не сказать. Лишь постольку, поскольку у нас нет сомнений в том круге работ, которые производятся на данном предприятии, обозначение его продукции условно, через валовую продукцию допустимо и значимо.

Лишь усвоив технологическое содержание чистой продукции, можно понять, каким образом в процессе производства и обмена в состав народного дохода, представляющего конечный результат труда данного года, выделяется и вся чистая продукция в совершенно конкретных материальных изделиях, несмотря на то, что каждое изделие в процессе производства образовалось из перенесенных и вновь созданных ценностей. Не все это понимают. И это происходит потому, что схоластически понимают некоторые товарищи содержание схем Маркса. Они не понимают, что эти схемы могут изображать не только образование и обращение ценностей, но и конкретный производственный процесс в отвлеченной форме, который нас интересует, как строителей социализма, после захвата власти пролетариатом. Не понимают, что каждая потребительная ценность, поскольку она является результатом труда, является в конечном счете вновь созданной ценностью данного года даже в том случае, если она лишь замещается чистым продуктом данного года независимо от того, когда она была произведена *in natura* — в этом или в прошлом году.

Надо твердо усвоить, что перенесенные на продукт ценности, хотя и проходят через стадию постоянного капитала, являются вновь созданными ценностями, если они войдут в состав народного дохода данного года, независимо от того, созданы ли они трудом этого года или только замещены продуктом труда этого года.

Итак одним из центральных вопросов советской экономики с переходом к строительству социалистического общества является производственное накопление, происходящее за счет совершенно конкретных вновь созданных ценностей. Этим накоплением в первую голову (но не только им) обуславливается размер тех ценностей, которые могут быть вновь созданы трудом будущего года.

Совершенно понятно, что если мы будем применять новый труд (говоря словами Маркса) «при возможно более экономных условиях, т. е., сводя стоимость применяемого к делу постоянного капитала к возможному «минимуму», то тем менее потребуются накопления для производства новых ценностей в следующем периоде, или тем больше их сумеет общество произвести при одинаковом накоплении и прочих равных условиях. Отсюда вытекает то огромное значение, которое имеет для нас отношение чистой продукции к необходимым для производства этой продукции фондам.

Это отношение отнюдь не только технологическая величина, но и результат социально-исторического развития. Это историческая категория.

Ее исходный размер определяется унаследованным нами уровнем развития капитализма в России.

Ее проектирование возможно лишь с учетом законов развития социалистического общества. Ее размер определяется не только технологическими законами, но и интенсификацией труда и его организацией, общественными условиями жизни.

Всего этого никакими математическими формулами определить нельзя, но, не определив динамики этой величины, нельзя, невозможно проектировать народное хозяйство.

Если вы не запроектируете, какими фондами будет обуславливаться продукция, вы не можете определить ни необходимого накопления, ни зависящей от этого накопления всей чистой продукции, а следовательно и потребления.

Использование фондов в значительной степени решается ростом производительности труда. При ограниченной численности рабочего класса вопрос о росте производительности труда является решающим. В наших условиях многомиллионной массы неиспользованных рабочих рук, при неисчерпаемых фондах рабочей силы во всех капиталистических и колониальных странах вопрос о производительности труда для ближайших лет решающим пределом не является. Надо при этом учесть, какое исключительно политическое значение имел бы массовый импорт рабочей силы из капиталистических стран.

Рост производительности труда имеет, однако, и самодовлеющее значение, с точки зрения цели «догнать и перегнать» капиталистические страны и в этом отношении. И поэтому и потому, что мы строимся на долгие годы вперед, при выборе нового оборудования мы должны руководствоваться в первую очередь повышением производительности труда.

Однако первым лимитом темпов роста есть и будет, во всяком случае на ближайшие годы, эффективность использования производственных фондов.

Правильный, диалектический, конкретный во времени учет обоих факторов — эффективность использования фондов и производительность труда — является основным условием проектирования.

В том упоре, который делается только на производительности труда в выступлениях Базарова, Вайсберга и других товарищей, звучит далеко не социалистическая музыка. Этот упор мог бы быть оправдан лишь в споре с теми, кто так или иначе отрицает, что труд является единственным создателем ценности. Таких здесь, насколько я знаю, нет.

Подчеркивание только фактора производительности труда и элиминирование других компонентов планирования выдвигается самым очевидным образом теми, кто не может выйти из плена капиталистических отношений и кто мыслит накопление лишь в форме прибыли, как разницу между ценами и издержками производства, и не понимает плановой природы нашего хозяйства, не понимает всего значения планового распределения народного дохода путем регулирования потребления и накопления самыми многообразными путями (налоги, займы, эмиссия, регулирование зарплат, плановое распределение рабочей силы та же прибыль).

Этим я объясняю, почему т. Петров говорит, что кривая напряженности может быть выявлена лишь в результате детального планирования. В корне неверная, не диалектическая, не плановая установка: 1) эффективность использования фондов; 2) производительность труда; 3) и доля накопления в народном доходе — вот те три основные исторические категории, которые подлежат проектированию одновременно во взаимной их связи и зависимости, в теснейшей связи со всем планом социальной и технической реконструкции страны.

В предложенных мною аналитических и графических схемах («План. хоз.» № 12) я показал взаимозависимость этих величин и темпов роста народного дохода, фондов, потребления и накопления. Все эти экономические категории увязаны в единой системе формул, имеющих всеобщее значение. Однако историческую определенность все эти категории получают лишь в социально-классовом анализе. Их движение взаимно связанное определяется законами развития социалистического хозяйства в СССР в условиях капиталистического окружения, ожесточенной классовой борьбы, развертывающейся мировой революцией. Вот какими законами определяется развитие нашего социалистического хозяйства. Моя задача состояла лишь в том, чтобы дать в руки социального инженера в адекватной для нашего времени форме схемы расширенного общественного воспроизводства.

Докажите, что эти схемы неверны, докажите, что нет нужды интересоваться в настоящее время темпами роста потребления и фондов, докажите, что эти темпы не зависят от тех категорий, которыми мы пользуемся, что мы в схему не ввели каких-то величин и коэффициентов, которые могли бы быть введены и которые необходимо было бы ввести. Вы бессильны это сделать, тт. Вайсберг и Кон! Ни одного слова вы по этому поводу не могли сказать. Может быть, вы думаете, что Маркс мог бы обойтись без своих гениальных схем в своем диалектическом исследовании, и что и нам нет смысла пользоваться его нагубным примером?

Нельзя научно, диалектически проектировать генплан, без аналитических схем, адекватных нашей эпохе, изображающих весь производственный процесс в целом. Если вы это будете отрицать, то это будет означать, что вы у Маркса ничему не научились, а ваша практика, весьма далекая от черной кропотливой работы балансирования

народнохозяйственных элементов, не ткнула вас носом в то, что называется диалектическим методом.

Вы, т. Вайсберг, напомнили мне старинную сказку с том, как клоп, унава на спину слона, решил, что это животное безусловно вредное, так как он не сумел прокусить его толстую кожу. Ничего кроме бородавок на этой спине ры не нашли.

Каковы же основные возражения т. Вайсберга по докладу т. Ковалевского:

1) вопрос о социальных отношениях, о человеке не увязан органически, диалектически со всей проектировкой. Тов. Вайсберга беспокоит то, что т. Ковалевский не учел наличия в стране большого количества мелких хозяйств. Согласитесь, что у этого возражения видны двуединые мудствования т. Кона. И Кон и Вайсберг все не могут понять, что в СССР в генплане мы обязаны мыслить преодоленным основное противоречие капиталистического хозяйства, противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Неужели вы думаете, что и в генплане мы будем иметь регулятором категорию стоимости или что нам придется иметь дело с двуединым регулятором т. Кона? Думаете ли вы, что мы и до сих пор не регулируем нашего накопления и потребления в плановом порядке, хотя и с учетом соотношений классовых сил в стране? А ведь это же центральный вопрос в применении схем воспроизводства, ибо, вопреки обвинению в том, что предлагаемый нами метод есть чистейшая экстраполяция, основанная на закономерностях типа громоановских, основным условием применения предлагаемого метода является субъективное плановое распределение народного дохода. Ведь это же обвинение в применении громоановского метода просто голословная инсинуация. Назовите хоть одну величину, хоть один коэффициент в работе т. Ковалевского, который бы остался неизменным, который не считался бы им исторической категорией, подлежащей количественному определению, путем анализа производственных общественных отношений.

С таким же успехом вы могли бы возводить подобные обвинения и по отношению к марксовым построениям, имея в виду органическое строение капитала, норму прибыли, норму прибавочной ценности.

Вы не понимаете, что в каждом изгибе кривых эффективности, производительности труда, коэффициента накопления отражены социальные отношения. Тов. Ковалевский шел также и от общего к частному, но в основу этого общего была положена аналитическая схема, вытекающая из самой природы исторического процесса. Вы не понимаете, что с первых же шагов работы для определения эффективности и производительности труда была синтетически построена концепция качественного развития всего производственного аппарата и производственных отношений.

Редко совершается преступление так, чтобы не осталось следов. И в этом отношении Вайсберга постигла общая участь. Нагромоздив бессодержательные и злобные обвинения, в конце своего выступления он признает законным вырисовывание на диаграммах тех кривых, которыми пользуется т. Ковалевский, применяя диалектический метод к планированию. Но, видите ли, он считает возможным делать это лишь в конце всей проектировки.

Таким образом он в конце концов признает и законность тех категорий, которыми мы пользуемся, и правильность моей схемы, и аналитических формул; ибо неразрывно связано с другим.

Таким образом по существу Вайсберг, не отвергая правильности построений, основанных на схемах Маркса, возражает против применения диалектического метода, обязывающего сочетать анализ с синтезом, абстрактное с конкретным. Причины этого отказа особенно ясно выявлены в выступлении т. Кона.

Кон упрекает т. Ковалевского в том, что он не учел всех противоречий, которые существуют в нашей экономике, что он не проследил всех тенденций, которые здесь наблюдаются, что он не учел возможностей нашего воздействия на стихийные закономерности, вытекающие из частно-собственного сектора. Он говорит: «что мы должны отпавляться от той борьбы, которая имеется в нашей экономике, проследить, насколько мы владея теми или иными экономическими процессами, здесь свободны и произвольны». Да ведь это то же двухсекторное деление, тот же двуединый регулятор.

Я очень бы советовал т. Кону выкинуть в тот факт, что в 1929/30 г. 77,3% всех капитальных вложений в основные фонды нашего Союза будет направлено в государственно-кооперативный сектор, что из остальных 22,7—9,6% пошли на жилищное строительство и лишь 13,1% в частный сектор, на его производственные нужды, причем и в этой части наше воздействие и наше влияние были весьма значительны.

Экономические закономерности т. Кон мыслит только в категориях капиталистического хозяйства, ибо он не понимает того, что так отчетливо сформулировано т. Ковалевским: что в генплане мы должны оперировать категориями социалистического хозяйства.

Новые категории т. Кону кажутся незаконными, хотя на первом докладе в ИЭИ он сам признал, что в понятии эффективности использования фондов ничего антимарксистского нет.

Некоторых вопросов он просто не продумал. Так, например, он полагает, что никаких количественных соотношений между элементами производства в натуральном выражении установить нельзя. Он, повидимому, не знает что между элементами производства существуют определенные количественные соотношения, изменяющиеся в процессе исторического развития. Он без всяких оговорок утверждает, что чем выше органический состав фондов, тем меньше отношение чистой продукции к фондам. При этом он не соблюдает одного из основных правил диалектики: рассмотрение всей совокупности отношений вещи с другими. Между тем вы можете найти на стр. 115 № 12 «Плановое хозяйство» формулу связи между эффективностью капитальных вложений и органическим строением капиталов, из которой вы сможете усмотреть, что зависимость не столь проста, и что при известных условиях увеличению органического строения фондов может не сопутствовать увеличение эффективности использования фондов.

Наконец, не понимая, что мои формулы не имеют ничего общего с какими бы то ни было эмпирическими закономерностями, не понимая природы аналитических формул, вообще, не имея никакого опыта и знаний в применении аналитических формул, не научившись этому у Маркса—т. Кон с видом знатока упрекает нас в том, что мы из формул выводим действительность, а не наоборот. Он не понимает, что эти формулы выведены из самой действительности.

Последние два замечания:

1) Вам показано т. Ковалевским научное начало великой коллективной работы по построению генерального плана, но показано лишь только начало. Вы должны хорошо понимать, что показывать незаконченную работу вообще дело щекотливое. Ведь это только рабочая гипотеза не к построению народного хозяйства, а рабочая гипотеза к плану и только на эту роль эта работа и претендует. Это первый аналитико-синтетический эскиз, основывающийся на марксовой теории расширенного воспроизводства. Вы же подошли к этой работе как к генеральному плану построения народного хозяйства и предъявили к ней такие требования, для которых у вас нет никаких оснований.

2) Последнее замечание. Я не претендую на безгрешность; на нее не претендует и т. Ковалевский. Как это он сам пишет в *post scriptum'e* первых глав своей рукописи. Но ни у меня, ни у него нет никаких сомнений в том, что нами нащупан правильный подход к построению генерального плана. Ничего нет удивительного в том, что новые мысли и идеи встречают зрелое сопротивление. Это обыденное явление. Особенно характерен в этом отношении пример знаменитого Дизеля, революционизировавшего конструкцию двигателя внутреннего сгорания. В большой статье он выдвинул идею нового типа двигателя внутреннего сгорания. Как неграмотная, статья была забракована учеными профессорами и Дизель выпустил ее брошюрой, отдав на это свои последние гроши. Ученые профессора сочли необходимым подвергнуть работу уничтожающей критике в печати. Но люди дела и практики на заводах Крупна уловили правильную основу выдвинутой Дизелем идеи и дали ему возможность в течение 2 лет делать опыты, которые в конце концов привели к блестящим результатам, знаменовавшим собою переворот в силовом хозяйстве.

Некоторым теоретикам из красной профессуры необходимо частенько напоминать об этом интересном примере.

М. В. ИОФФЕ Нужно приветствовать попытку т. Ковалевского подойти аналитически к проверке и построению генерального плана. Эта попытка вполне законна, и неправы были товарищи, которые утверждали, что показатели, использованные т. Ковалевским, ничего не дают. Однако центр тяжести заключается в показателях, не в формулах, а в экономическом анализе, в экономическом обосновании динамики тех величин (категорий), которые в формулы входят. Однако с этой важнейшей стороны в докладе тов. Ковалевского имеется ряд недочетов.

Экономическая формула есть результат и обобщение предыдущего экономического анализа, математически выраженная схема тех экономических отношений, которые имеются в действительности. Эта математически выраженная схема (формула) служит стержнем и рычагом дальнейшего экономического исследования, придает последнему необходимую строгость и помогает дать полученным результатам количественное выражение. Достаточно ли хороши с этой точки зрения формулы, примененные тов. Ковалевским? Мне кажется, что они были бы хороши лишь при самом общем подходе к вопросу о методах построения генерального плана. На той же стадии работы по составлению генерального плана, которую мы проходим сейчас, формулы т. Ковалевского слишком общи. Те интегральные показатели, которые входят в формулы, использованные т. Ковалевским, скрыто (потенциально) содержат в себе очень многое, но все это богатство их содержания не выявлено. Так, например, при практическом подходе к составлению народнохозяйственных планов мы в настоящее время не можем пройти мимо таких показателей, как сменность, непрерывка, оборачиваемость «капитала». На практике мы уже пользуемся этими показателями, а в формуле-схеме т. Ковалевского они не выявлены. А это значит, что схема, применяемая т. Ковалевским, ниже практических работ, которые ведутся в плановых органах. Возьмем, например,

оборачиваемость «капитала». Советская система хозяйства в области ускорения оборачиваемости «капиталов» имеет огромные преимущества по сравнению с капиталистическими странами. При построении генплана эти преимущества необходимо учесть. А между тем в формулах, примененных т. Ковалевским, мы не найдем коэффициента оборачиваемости «капитала». А это значит, что исследование оборачиваемости «капитала» будет идти само по себе, без необходимой увязки с интегральным показателем т. Ковалевского. Отсюда вывод: интегральные показатели, использованные т. Ковалевским, надо расчленить. В них следует ввести коэффициенты сменности, непрерывки, оборачиваемости «капитала» и другие важнейшие показатели, фигурирующие в наших практических плановых расчетах.

Во-вторых. Я считаю одним из важнейших методологических моментов, который должен быть здесь подчеркнут, следующее. Экономические отношения есть отношения людей по производству, т. е., прежде всего, трудовые отношения. При экономическом анализе выявление трудовых соотношений является основной задачей. Поэтому формулы, примененные т. Ковалевским, следует прежде всего проанализировать, не подменяя ценностных (трудовых) величин теми или иными натуральными. И лишь после того, как такой анализ будет закончен, можно попытаться, пользуясь коэффициентом производительной силы труда (выработка на единицу труда), осуществить подстановку натуральных величин вместо ценностных (трудовых). А между тем т. Ковалевский с самого начала вводит в свои формулы вместо ценностных (трудовых) показателей, ценностные суррогаты натуральных показателей (продукция и «капитал» в твердой оценке). Однако формулы Маркса, которые лежат в основе формул, применяемых т. Ковалевским, исследованы Марксом в «Капитале», прежде всего и главным образом как формулы, выражающие соотношение между трудовыми величинами. Отсюда ясно, что законность замены ценностных (трудовых) величин натуральными т. Ковалевский должен был обосновывать в каждом отдельном случае. Он должен был показать, что при такой замене форма взаимозависимости между данными показателями остается прежней. К сожалению такой проверки в докладе т. Ковалевского мы не найдем.

Анализ трудовых соотношений, который т. Ковалевский должен был предпослать и положить в основу своих подстановок, не может быть произведен без учета социальных сдвигов. Тут т. Ковалевскому поневоле пришлось бы выявить, как будет в тот или иной период, охватываемый генпланом, использован женский труд, какова будет продолжительность рабочего дня и т. п. А если тов. Ковалевский в своих вариантных расчетах не осветил этих важнейших проблем, то основная причина этого заключается в том, что т. Ковалевский с самого начала подставил в своих формулах вместо ценностных величин ценностные суррогаты натуральных (твердые цены).

В третьих, перед нами диаграмма с показателями производительности труда в САСШ и другими. Мне кажется, что эти показатели преувеличивают трудности, которые нам придется преодолеть, чтобы догнать и превзойти капиталистические страны. Так, например, показатели производительности труда исчислены по чистой продукции. Но в чистой продукции САСШ заключается и та прибыль, которую САСШ извлекают из эксплуатации трудящихся остальных народов. Поэтому чистая продукция в расчете на рабочего САСШ дает преувеличенное представление о производительности труда в Америке по сравнению с нашей.

Преувеличенное представление о стоящих перед нами трудностях в области капиталовложений дают диаграммы, сопоставляющие основные фонды и продукцию в Америке. Причина заключается в том, что в связи с акционированием и рядом других обстоятельств оценка основных фондов в Америке сильно преувеличивается. В действительности для получения американской мощности даже при американской нагрузке оборудования таких больших капитальных затрат не требовалось. (См. об этом подробнее М. и П. Иоффе «Вопросы труда», № 3—4).

На ряду с некоторым преувеличением нашей технической отсталости и размером необходимых нам капиталовложений при сопоставлении наших показателей с показателями САСШ диаграммы т. Ковалевского оставляют вне поля зрения некоторые наши преимущества. Так, например, мы можем обобществить потребление. Это позволит более эффективно использовать жилища, средства передвижения и т. п. А в диаграммах уровня зарплаты поправок на эти различия нет.

Необходимо опубликовать расчеты, положенные в основу этих диаграмм, и подвергнуть все эти показатели самой серьезной критике, чтобы выяснить, в чем и насколько мы действительно отстали, где сказывается лишь игра цен и какие поправки необходимы при сопоставлении наших данных с показателями буржуазных стран.

Последнее замечание. Мне кажется, что схема расширенного воспроизводства Маркса в том виде, как она использована тов. Ковалевским, не вполне применима к условиям советской действительности. Анализируя свою схему расширенного воспроизводства, Маркс исходит из обмена «между двумя крупными классами общественного производства, между производителями средств производства и производителями средств потребления» («Капитал» т. II, стр. 497, ГИЗ, 1923 г.). Маркс со всей тща-

тельностью выясняет, как осуществляется этот обмен, откуда берется необходимое для этого обмена орудие обращения товаров — деньги, как эти деньги переходят от участников (капиталистов и рабочих) первого подразделения к капиталистам и рабочим второго подразделения.

Таким образом анализ Маркса имеет своей предпосылкой куплю-продажу товаров между двумя подразделениями (производство средств производства и производство средств потребления). Маркс предполагает, что только таким путем могут переходить ценности от одного подразделения к другому. Более того, Маркс сознательно оставляет в стороне все приводящие обстоятельства, исследует в «чистом незамешанном виде обмен между двумя крупными классами общественного производства» (там же).

И вот, товарищи, я думаю, что раз это так, то нельзя механически распространять выводы Маркса на взаимоотношения между советскими отраслями, производящими средства производства, с одной стороны, и отраслями, производящими средства потребления, — с другой. У нас хозяйство ведется планоно, и мы имеем полную возможность помимо купли и продажи непосредственно перераспределять и перебрасывать ценности из подразделения в подразделение. Такую переброску мы можем проводить и в чистом виде — путем безвозмездной передачи тех или иных материальных ценностей или замаскированно — путем бюджетных целевых ассигнований на «покупку» указанных материальных ценностей.

Отсюда ясно, что соотношения, установленные Марксом при анализе схемы расширенного воспроизводства в условиях капитализма, не имеют полной силы в условиях советской действительности. Мы, повидимому, имеем здесь существенные преимущества, обладаем большей свободой для хозяйственного маневрирования.

Вытекающие отсюда выводы при построении генплана необходимо тщательно выявить и учесть, чего т. Ковалевский в своем докладе не сделал.

А. ПОДГОРНЫЙ. Тов. Шахновская подчеркнула превосходство метода вариантных последовательных приближений. Но на какой основе? Если она имеет в виду расширенное воспроизводство коммунистических производственных отношений, то ее замечание совершенно правильно.

Тов. Ковалевского выступавшие гг. критиковали за то, что он все расчеты низводит на коэффициенты производительности и нормы накопления. В записке и докладе он увязывает эти моменты с ростом потребления. А приняв в расчет тесное сплетение производительности с темпом накопления (рост техники и рационализации) и ростом потребления, мы должны иначе подходить к цифрам и к критике недостатков доклада.

Затем следующее замечание. Мне кажется, что самый существенный недостаток во всей разработке, это — недостаточно внимательная проработка структуры производительного и индивидуального потребления. Но в генплане намечается огромное новое строительство. Какие потребности должно удовлетворять вновь создаваемое производство? Должны ли мы оставить в стороне вопрос о структуре индивидуального потребления, удовлетворяемого принятыми нами от буржуазии отраслями производства. Пища, одежда, жилище, предметы гигиены, искусство, радио, авто, аэро — таковы основные виды индивидуального потребления. Они, конечно, определяют структуру основных видов производительного потребления. Отрасли, производящие средства производства, должны их производить, именно равняясь на удовлетворение этих потребностей, а затем ряда новых, вырастающих в процессе роста коммунистических отношений. То обстоятельство, что в наметке не имеется активного воздействия со стороны государства, строящего коммунистические отношения, на структуру индивидуального потребления и, соответственно, производительного потребления, — это обстоятельство является существенным недостатком и из этого вытекает, что жилища — предмет индивидуального потребления — докладчик включает в «С». Жилища, конечно, важные фонды, но не производительного, а индивидуального потребления. Если взять его таблицу структуры индивидуального потребления, то там совершенно правильно учитываются те сдвиги в потреблении, которые связаны с ростом техники и с ростом культурного уровня. (Ковалевский. Кто вам сказал, что это индивидуальное потребление? Это рост потребления на живого человека в стране).

В вашей таблице анализируются элементы индивидуального потребления и, разумеется, в соответствии с этим структура производительного потребления. (Ковалевский. Там есть индивидуальное потребление и все, что хотите).